

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

УЧАСТВУЮТ:

приглашенный редактор номера,
канд. физ.-мат. наук, Ph. D.

Ирина Шрайбер

доктор биологических наук, профессор,
член Academia Europaea, почетный член
Международного общества
вычислительной биологии

Михаил Гельфанд

приглашенный редактор номера,
культуролог

Оксана Мороз

семейный психолог

Людмила Петрановская

и другие эксперты

1989

2022

ТЕМА ВЫПУСКА

РОССИЙСКИЙ СИНДРОМ ОТМЕНЫ

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3	Теория и практика культуры отмены <i>Пиппа Норрис</i> Культура отмены: миф или реальность? (Пересказ основных тезисов статьи П. Норрис)	36
Вступительное слово приглашенного редактора <i>Ирина Шрайбер</i>	5	<i>Глеб Кузнецов, Марина Ступко</i> Культура отмены: история и современность.....	40
Культура отмены: между травлей и моральными паниками <i>Белла Рапопорт</i> Черно-белая оптика дискуссий и отсутствие права на травму	7	<i>Серое Фиолетовое</i> Отмена «отмены»: борьба за символический капитал в эпоху слов со звездочками	45
<i>Людмила Петрановская</i> Отмена реальности	11	Личные комментарии <i>Ханс Петер Бек</i> Запад не ненавидит русских — однозначно нет! Личный взгляд и личный анализ отношений западного мира с Россией за последние несколько десятилетий	54
<i>Алла Митрофанова</i> Возможна ли смена парадигмы после катастрофы?	14	<i>Анна Кирзюк</i> Не агрессоры, а жертвы: «руссофобия» как оправдание и побудительный мотив	60
Отмена науки <i>Михаил Гельфанд</i> Отменяют не российских ученых, отменяют Россию	22	Заключительное слово приглашенного редактора <i>Оксана Мороз</i> ...Если надо объяснять, то надо объяснять.....	63
<i>Артем Оганов</i> Культура отмены — это бескультурие и нетерпимость	29		

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Российский синдром отмены»

СКАЧАТЬ

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

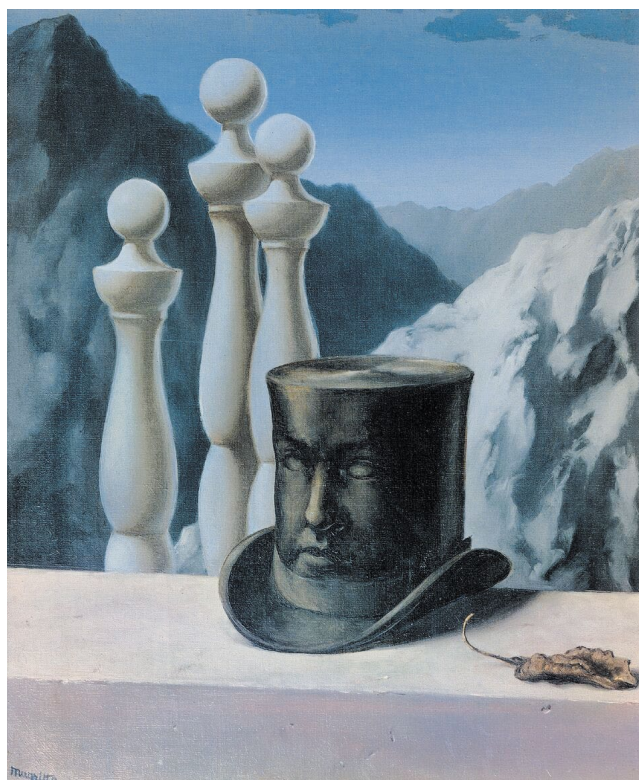
«Мы хотим перехватить повестку у всех, кто манипулирует термином „культура отмены“. Мы хотим проверить, действительно ли санкции и бойкот, эти знакомые механизмы давления, сейчас приобретают черты канселинга. Как они выглядят? Носят ли практики „отмены“ системный характер или, как говорят фактчекеры, это скорее частные решения, сопровождаемые моральной паникой? К каким последствиям приводят как минимизация культурного сотрудничества, так и яростные обсуждения этого факта?» — так обозначила задачи выпуска, посвященного синдрому отмены, Оксана Мороз, один из приглашенных редакторов этого номера.

Постарались справиться с поставленной задачей, невзирая на все ограничения, а попутно ответить и на такие вопросы: как жить с синдромом отмены? Можно ли отменить культуру отмены и насколько эффективна контротмена? Что в целом перед нами — реальная русофобия или спекуляции?

Наша миссия — показать максимально разнообразные точки зрения, поэтому в качестве приглашенных редакторов позвали культуролога Оксану Мороз (НИУ ВШЭ) и кандидата физико-математических наук Ирину Шрайбер (ЦЕРН), они собрали широкий круг экспертов, включая лингвистов, психологов, биформатиков, химиков, акционистов и даже ядерных физиков.

Один из авторов выпуска отметил, что возражать патристическому нарративу — дело чреватое сегодня, поэтому он будет говорить аккуратно. Мы в свою очередь постарались аккуратно редактировать тексты, но не отменяя здравый смысл, логику анализа и право экспертов на собственное мнение.

Так что перед нами? Новый конструктивный метод борьбы с нежелательными явлениями или буллинг, вырвавшийся за пределы школ и офисов? Какую цель ставит перед собой культура отмены и действительно ли с ее помощью можно чего-то добиться? Приглашаем вместе разобраться в этих вопросах на страницах «СоциоДиггера».

Рене Магритт. Приятный человек, погруженный в раздумья

Желаю приятного и полезного чтения,

Анна Кулешова,
главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на kuleshova@wciom.com или nnsedova@wciom.com. С нас — данные!

После этого изгнания русских из Баль-Мабилля постиг, как слышно, русских таковой же остракизм и в Прадо, и в Шаго-де-Флёр, и в некоторых театрах.

*М. Е. Салтыков-Щедрин,
Наша общественная жизнь*

В середине февраля 2022 года на своей лекции про Европейскую лабораторию ядерных исследований, ЦЕРН, я рассказывала, что эта международная научная лаборатория была создана после Второй мировой войны с целью объединения для совместной работы ученых из разных стран. Примечательным в этой крупнейшей международной лаборатории стало то, что страны и люди, которых разъединила война, объединились наукой, а основным девизом ЦЕРН стала фраза «Наука для мира».

Однако сегодня, всего два месяца спустя, очень многие мировые лаборатории и коллаборации уже исключили российских ученых из своих проектов и полностью остановили сотрудничество с российскими организациями. В ЦЕРН обсуждается авторство российских ученых в статьях, вышедших после 24 февраля 2022 года. В этой связи хочется заметить одну вещь: научные статьи в больших коллаборациях такого уровня — дело очень небыстрое, и, положа руку на сердце, между февралем и апрелем не могло быть проведено ни одного полноценного научного исследования без вклада российских ученых как членов коллабораций, которое привело бы к научной публикации. И тем не менее...

«Культура отмены» (cancel culture) — современный термин, ставший популярным сравнительно недавно, — обозначает существующий с давних времен остракизм. До недавнего времени «отмене» подвергались отдельные люди или небольшие группы лиц, однако в начале марта впервые в истории своего существования остракизм принял глобальные масштабы и «культура отмены» оказалась направлена против целой страны. И на данный момент по отношению к российской культуре это явление, казалось бы, с каждым днем только набирает обороты. Ее проявления за последние два месяца можно обнаружить практически во всех областях: от исключения российских спортивных команд из международных соревнований, отмены концертов и спектаклей по произведениям русских авторов на музыку русских композиторов с использованием русских балалаек до приостановки практически всех программ сотрудничества. Моника Кроули в своем мартовском интервью Fox News заявила, что «Сейчас происходит отмена России» (Russia is now being cancelled).

К сожалению, «культура отмены», получившая очень широкое распространение благодаря социальным сетям, лежит вне юридического поля. Решения об «отмене» такого рода слабо регулируются юридическими механизмами и являются, скорее, навязанным обществу внушением, которое практически невозможно остановить или перенаправить после того, как процесс «запущен». Особенно опасным мне представляется фактическое отсутствие инструментов реабилитации «жертв отмены», даже в случае появления обстоятельств, делающих такую реабилитацию необходимой. Однако в то же время не стоит забывать о возможности преувеличений и манипуляции этим термином в обратную сторону. Далекое не всем по душе «культура отмены» как в глобальном смысле, так и в попытке «отменить» Россию.

В этом выпуске СоциоДиггера мы хотим проверить, действительно ли санкции и бойкот, эти знакомые механизмы давления, сейчас приобретают черты «отмены»? Как они выглядят? Носят ли практики «отмены» системный характер или это результат локальных решений, сопровождаемых моральной паникой? К каким последствиям приводят как минимизация культурного сотрудничества, так и яростные обсуждения этого факта? Насколько масштабны и необратимы эти явления? Может ли переименование исторических предметов искусства и культурных событий (как, например, «Ночь Юрия», названную в честь Юрия Гагарина, в «Празднование космоса: узнайте, что дальше») привести к достижению желаемой цели и какова эта цель? Распространяется ли она на нынешнюю Россию или все русское и российское в целом, включая Киевскую Русь? Не становится ли «культура отмены» главной интонацией коммуникации — о России, россиянах и внутри российского культурного пространства? Есть ли у нас продуктивный язык для описания ситуации и, возможно, обнаружения диалога в предлагаемых обстоятельствах? Возможен ли он? И что происходит с субъектом в момент, когда есть большой шанс столкнуться с канселингом как извне, так и внутри страны, профессионального сообщества, семьи?

На эти и другие вопросы мы попытались ответить в выпуске СоциоДиггера вместе с экспертами из самых разных отраслей — социологии, психологии, философии, журналистики, юриспруденции и других.

Ирина Шрайбер,

*приглашенный редактор номера,
кандидат физико-математических наук, Ph.D.,
действующий член международных коллабораций
CDF (Фермилаб, США) и CMS (CERN, Швейцария),
научный сотрудник Центра европейских
ядерных исследований (CERN, Женева)*

БЕЛЛА РАПОПОРТ

феминистка, публицистка,
гендерная исследовательница

ЧЕРНО-БЕЛАЯ ОПТИКА ДИСКУССИЙ И ОТСУТСТВИЕ ПРАВА НА ТРАВМУ

О чем сейчас говорят?

«Мы/вы ничего не сделали!»

Такие фразы часто можно услышать от недавно уехавших россиян. Даже те россияне, которые остаются, говорят: «Мы ничего не сделали». Западные пользователи соцсетей или политики тоже говорят, что мы ничего не делали. И пытаются заодно открыть глаза россиянам на то, что здесь происходит. Отчасти, я думаю, это связано с западным высокомерным взглядом на нас. С другой стороны, это объясняется неолиберализмом: если строительство демократии по западному образцу не случилось, значит, гражданское общество не преуспело. Если все происходившие процессы не привели к результату, который измеряется по усредненному западному образцу, значит, и гражданского общества нет. Россияне не преуспели, белорусы не преуспели. Почему? Ну, плохо старались. Не добились — значит, плохо старались.

Откуда у западных критиков возникает такая идея? Это следствие уверенности, что все устроено одинаково, в нюансы вникать не надо. Мало кто понимает вообще, как работает Россия. Мало кто догадывается, что это огромная и разрозненная, колониальная страна, что периферия не имеет никакого влияния на центр, а служит только источником ресурсов. Кроме того, часто не учитывается разница возможностей. Критики из Америки, например, не понимают, что у нас не действует вторая поправка. Или что армия и полиция — это даже потенциально не часть гражданского общества, которая может поддержать его начинания. Сколько бы среди нас ни было протестно настроенных граждан, им противостоят хорошо вооруженные люди. Нет, конечно, можно выбрать в качестве коммуникации с властью вариант развития событий по принципу Варшавского гетто. Но людям свойственно хотеть жить.

«Санкции оправданы!»

Встречается много рассуждений о пользе санкций. Ты в этот момент говоришь: «Санкции бьют по простым россиянам». А тебе отвечают: «Украинцам хуже». Или: «Главное зло — Путин, а не санкции». И как-то забывают, что в современной жизни в России граждане тоже находятся на осадном положении. И вот как раз Владимир Путин без прокладок, кошачьего корма, Курсеры, пластика для карточек, инсулина и гормона для щитовидки

(а это все пропало или пропадет вследствие санкций) обойдется. Ему понадобится — у него все дефицитное появится. А вот у граждан — вряд ли.

Еще утверждают: санкции направлены на удушение экономики, чтобы налоги не шли на поддержание военной операции. Хочется спросить: вы точно видели все эти дворцы, аквадискоотеки, точно понимаете, как работает Россия и насколько удары по качеству жизни граждан выполняют эту функцию замирения?

Или ты замечаешь: «Но вы же продолжаете покупать нефть и газ, другие ресурсы!» Тебе отвечают: «Ну, это другое!» Классический пример действий по принципу «потеряли деньги в конце улицы, но ищем под фонарем, потому что тут светлее». Особенно это интересно, если учитывать, что санкциями душат преимущественно общество, а деньги за ресурсы передают властям.

«Мы уходим из России!»

Сейчас появляется много красивых заявлений, манифестов: «Мы уходим из России. И мы уходим из России!»

Вообще факт нахождения в границах страны — это то, что теперь россиян определяет. Не важно, что ты думаешь и делаешь. Если ты здесь, тебе навязывают определенную характеристику. Из населения России конструируют такого другого, которого не жалко. В нем и человеческого не так уж много. У него и Макдональдса-то нет, а Макдональдс — это символ принадлежности к общему миру. Да индексом Биг-Мака мировую экономику меряют! А мы нелюди, от нас даже Макдональдс ушел.

В этом есть лицемерие, этический камуфляж. Во-первых, и об этом еще Джудит Батлер писала, демократия оказывается не процессом или устройством, а понятием, которое можно присвоить, а можно — насадить, даже военным способом. Второй метод выглядит не очень, но если он касается каких-то регионов, «невидимых» для западного человека, человека вестерноцентричной культуры (Ближний Восток, Азия, Африка), то ОК. Во-вторых, есть ощущение, что Запад не готов вдолгую поддерживать украинцев — и из-за большого количества беженцев, чьи потоки надо разводить, и, самое главное, из-за [нежелания](#) сталкиваться с подорожанием бензина, газа и вообще экономическим неудобством. Мне кажется, людям из числа западного истеблишмента, которые пока-зательно хлопают дверьми, интересны только они сами, но не украинцы.

Кто и как публично конструирует идентичность?

Сейчас люди довольно резко пытаются сконструировать и сохранить свою идентичность. Особенно это заметно у публичных людей из числа уехавших. Кажется, им с открытым выстраиванием идентичности довольно легко. Если вся Россия — это агрессивные орки, то я, уехавший три недели назад, уже точно не из их числа. Или из их числа, но с огромным комплексом вины.

Тут надо понимать, что у многих публичных интеллектуалов гигантское эго. Как говорил Шендерович в одном интервью, «Мы интеллигенция, мы золотой запас нации». От этого эго — и вот эти комментарии про «мы как нация провалились!». Это, с одной стороны, упоение статусом не просто злодея, а суперзлодея. А с другой стороны, ощущение: нацию же спасать надо. Кто если не мы? Кто ею руководить-то будет? Сами не спра-

вятся. Я в одной лекции слышала прекрасное: в России не народ власть выбирает, а либералы. Именно они в 1996 году презрели результаты выборов, потому что решили, что лучше все знают, и нацию надо спасти от коммуниста.

Это эгоистичное конструирование идентичности системно. Даже представительницы Феминистского антивоенного сопротивления примерно так мыслят. Они говорят: «Вот, наш манифест переведен на языки республик России. Мы сочинили молитву. Мы все для вас сделали. Пожалуйста, присоединяйтесь под нашим манифестом, с нашими хештегами, распространяйте переведенные наши манифесты». А мы вас централизованно поведем в светлое будущее.

Или централизованно объясним, что русскую культуру надо отменять. Как это делал Антон Долин, который сначала писал, что уезжает, потому что не может дышать московским воздухом, в котором продолжают на фоне происходящего обсуждать интеллектуальные планы, потом в международной прессе объявлял, что России больше нет, а через два дня после обнародования информации о случившемся в Буче выпустил на своем YouTube-канале ролик о девяностолетии Тарковского. Который, конечно, «главный русский режиссер».

Важно, что отрефлексировать свое публичное поведение, вот это деление на «осмысленные лица» уезжающих и «дегенератов», «орков», коими являются остающиеся (см. пост А. Лошака), как свои проекции и травмы люди не желают. Они даже не очень выдерживают свою экспертность (а ведь многие работают со словами), но предпочитают ей здравый смысл. Между прочим, еще Клиффорд Гирц [писал](#), что здравый смысл очень плотный, связный и структурный, но при этом противоречивый. Обращение к нему позволяет людям варьировать свои точки зрения, спокойно смотреть на их несоответствие и жить дальше. Ведь сложно каждый шаг рефлексировать. Поэтому мы все где-то и когда-то апеллируем к здравому смыслу. Но важно понимать, как мы реагируем, когда нам указывают на несоответствие поступков друг другу, на принципиальные несоответствия высказываний друг другу.

Мы сейчас находимся в уникальной ситуации, когда за этими метаниями можно наблюдать в режиме реального времени. И происходит следующее: оценка этого несоответствия, если она не резонирует с ощущением автора высказывания, отвергается. Это не «я что-то не так сказал», это «вы меня не так поняли». Конечно, сложно признавать, что ты ошибаешься. Потому что если ты ошибся в чем-то одном, то все, что ты собой представляешь, — одна сплошная ошибка. Очень сложно начать давать себе право на какие-то ошибки, особенно публичные.

При этом замечания публичных интеллектуалов поддерживают ориенталистскую черно-белую оптику, в которой русские — это всегда странненькие и дикенькие. Это знакомый образ, в массовой культуре репрезентация русских так работает: они, например, говорят на настолько тарабарском языке, что даже его буквы не надо пытаться правильно изобразить. Единственный увиденный мной продукт, в котором была использована настоящая кириллица, это сериал «Великая». Построенный на абсурдистском юморе, замечу. Но там видно: люди знают историю России и уважают ее, понимают, что они вообще снимают.

И в межличностном общении вот эта склонность к бинарным оппозициям работает, принимает гротескные формы. Вчера меня русской назвали в Твиттере. Мне написал человек примерно следующее: «Ты, русская, говоришь, что тебе больно от фотографий погибших от рук российских солдат. Ты там не охренела? Тебя теперь что, пожалеть надо?» А я даже не очень понимаю, как мне на это реагировать. Мне, получается, нельзя про свои реакции говорить или мне не верят, что я могу испытывать боль от увиденного? Потому что мы все русские? А я, между прочим, не русская, а россиянка. Но нет, мы все «одинаковые».

Этот ориентализм, кстати, распространяется не только на Россию. Я уверена, что большинство людей Запада не знали о существовании Украины либо путали ее с Россией. Даже по ошибкам в речи Джо Байдена понятно, насколько хорошо они ориентируются в ситуации.

Почему так тяжело общаться друг с другом и о чем стоит говорить?

Мы все очень травмированы. Мы живем при нынешней власти 22 года, и это не простая жизнь. Все, кто хотя бы чуть-чуть свободен от пропаганды, не так уж счастливы. Люди ни на что не могут влиять, особенно в регионах живут бедно. Кстати, поэтому люди часто приветствуют возможность присоединиться к чему-то большому, чтобы почувствовать себя хорошо — к России, Путину, величию по типу «мы всем покажем!». Но очень многие совсем не поддерживают происходящего.

Потому что, среди прочего, с Украиной огромное количество связей. Того, что происходит, просто не может быть. С этими событиями разрушается суть относительно спокойного бытия, и это разрушение — травма для эмпатичных людей. Опять же, естественно, всегда можно сказать — украинцам хуже. Но я не сравниваю. Я говорю о том, что травму нужно проговаривать. А мою [статью](#) на эту тему отказались опубликовать «Холод» и «Новая газета». Объяснили так: не очень этично по отношению к страданиям украинцев сейчас такое публиковать. Несвоевременно.

Но ведь запрет на высказывания для россиян — это этический тупик. Он мешает говорить, что война вообще — маскулинная практика, которая влияет и на государство, и на женщин, детей, стариков этого государства, на всех. Если мы не будем сейчас обсуждать ничего, что относится к душам и травмам россиян, что потом станет с людьми из России? Какие это будет иметь последствия? У нас и так скукоживается пространство для разговоров — например, о насилии, о протестах, о выборах. Если запрещать говорить о том, что мы сейчас чувствуем, что с нами происходит, и все время утверждать, что эти чувства неуместны, то разовьется гигантская контейнеризованная травма.

Так что говорить и писать — это копинговый механизм. Но только для тех, кто достаточно привилегирован, имеет выбор. А его очень мало.

ЛЮДМИЛА ПЕТРАНОВСКАЯ
семейный психолог, Москва

ОТМЕНА РЕАЛЬНОСТИ

Многие сейчас испытывают серьезнейший стресс, это естественно. У нас очень много потерь, и реальных, и предполагаемых на будущее. Когда происходят такие из ряда вон выходящие события, люди испытывают сильные чувства. Это и ужас, и сочувствие, и сожаление, и чувство вины. Связь с Украиной очень велика, мы связаны коллегиальными, дружественными, родственными связями: кто-то там был, кто-то там вырос, есть смешанные семьи и многое другое.

Одно из самых болезненных переживаний — удар по идентичности, ее надлом. Сейчас особенно больно и тяжело тем, для кого Россия как государство, как страна, как общность людей — важная часть идентичности, и при этом их система ценностей не позволяет считать происходящее нормальным. Им очень трудно принять, что «мы» такое творим. У людей как бы выдернули опору из-под ног. То, что воспринималось как свой дом, стало чем-то чужим, злобным, опасным.

И одновременно многих ранит реакция «с той стороны» на все российское или русское как на причастное к агрессии. Звучит даже слово русофобия. Я думаю, все же никакой русофобии нет, мы имеем дело с сильнейшей моральной паникой. Это шоковое событие, никто не ожидал, что в наши дни может быть внезапно развязана кровопролитная война в Европе. Многие из того, что мы сейчас наблюдаем, это проявление шоковой реакции на вдруг обнаружившуюся витальную угрозу.

При этом, конечно, меры коллективной ответственности, дискриминация на основании гражданства или тем более национальности — это архаика, для Европы XXI века такое странно. Я надеюсь, что со временем, когда первый взрыв эмоций уляжется, будет наводиться на резкость, что и как. Учет личной позиции человека в таких обстоятельствах, на мой взгляд, — это во многих ситуациях правильно. Потому что, например, психолог, который одобряет или приемлемо относится к происходящему, оправдывает массовое насилие патриотизмом или геополитикой, не должен работать, скажем, с жертвами домашнего насилия. Привязка такого рода ограничений к позиции мне кажется разумной. Но, конечно, привязка к какой-то общности типа «все русские», которая не про личность, которая непонятно, где начинается, где заканчивается, про которую непонятно, кто в нее входит и кто нет, иррациональна и некорректна.

В соцсетях немало реплик российских образованных горожан, что все эти вещи приводят их к потере веры в гуманистические ценности, даже к разочарованию в идеях гуманизма. Можно сказать, что у этих людей был не слишком серьезный контакт с гуманистическими ценностями, если в них так легко разочароваться. Но, с другой стороны, неприятно чувствовать, что тебя как бы вывели из сферы действия всех этих замечательных идей, что они не дают теперь никакой защиты — даже если ты их разделяешь. Люди ощущают себя жертвами информационной войны или стихии культуры отмены.

Конечно, есть и то, и другое. Есть информационная война, которая часто неприглядно выглядит и ранит особенно тех, кто в наименьшей степени виновен во всем этом кошмаре. И есть повсеместные спонтанные проявления негативных чувств и позиции. Конечно, это ужасно — чувствовать себя отмененным, нелицом, по выражению Оруэлла. И непонятно, как от этого защититься.

Вообще, культура отмены — довольно слепой и хаотичный процесс. В историческом плане она восходит к бойкоту. Есть внешнее сходство: попытка уменьшить или даже уничтожить нечто нежелательное с помощью его изоляции, отказа от взаимодействия. Но как социально-правовые практики это вещи очень разные, во многом даже противоположные.

Бойкот ставит целью добиться упразднения какой-то несправедливости. Так, бойкот автобусных линий в Монтгомери был направлен на отмену дискриминационных мер в общественном транспорте, Махатма Ганди организовал «Соляной поход», чтобы отменить закон о монополии на соль, который обязывал индийцев платить за нее налог. Эти гражданские акции имели ясную цель, они реагировали на конкретное нарушение прав конкретных людей, в них была заявлена понятная программа: мы делаем это до тех пор, пока нарушение прав не прекратится. Бойкот — это история про сопротивление слабых, про то, как люди сражаются с превосходящей силой теми ограниченными ненасильственными средствами, которые у них есть, — например, отказав сильному в чем-то. Принципиально важно, что в бойкоте всегда есть собственный риск и самоограничения. Ты отказываешься от чего-то: от потребления товаров, от поездок в автобусе, от какого-то элемента своего комфорта и безопасности, — и этим вносишь личный вклад в изменение ситуации.

Культура отмены в этих аспектах — абсолютно противоположная история. Если в начале и заявляется конкретная цель, она быстро расширяется, становится все более абстрактной и тотальной. Хотя культура отмены стартует вроде как выпад против нехороших практик или идей, она неотвратимо превращается в практику еще худшую — в историю про власть толпы над «нехорошими» людьми, про безответное насилие. К сожалению, такое насилие людям довольно часто нравится, они получают специфический кайф. В акциях культуры отмены никто ничем не рискует, люди просто выгуливают в соцсетях «белое пальто», испытывая восторг единения с группой и упоение властью. По сути, это просто травля. Вспомним [историю про девушку](#), которая неудачно пошутила перед посадкой в самолет, а когда долетела, обнаружила, что стала в глазах миллионов полной мерзавкой и ее жизнь разрушена. У культуры отмены нет никаких рамок и границ. Мы не будем сотрудничать с «отмененными» до тех пор, пока они что? Ничего. Нет никакого варианта это остановить. Нет никакого договора об этом. Средства торжествуют над

целью. Культура отмены — это плохой способ чего-то добиться, но прекрасный — чтобы выгулять свой внутренний садистический радикал.

Конечно, попасть в такую историю очень страшно.

* * *

Особенно остро ударило по идентичности то, что военные действия поддержало так много россиян, что наше общество стало буквально излучать агрессию. Однако во многом это история про отсутствие связи с реальностью. Наши образованные горожане очень долго жили в каком-то искусственном пузыре, им казалось, что они вполне себе европейцы. Выставки, велодорожки, блоги, инвестиции.

В действительности же мы страна с чудовищным неравенством, в которой люди, живя только в 100 километрах друг от друга, могут иметь абсолютно разный уровень жизни. Это не только про имущественную разницу, хотя она в России огромная и люди годами попросту выживают. Прежде всего, это про правовую и социальную незащищенность. Про уровень социальных институтов и взаимодействий. Про невозможность что-то изменить в своей жизни, как-то отстоять свои права.

То, что огромное количество людей прозябает в крайней нищете и бесправии, что у них нет ни малейших оснований верить в возможность справедливости и вообще в гуманистические ценности, — все это вытеснялось и игнорировалось. Интеллигенция жила а-ля европейцы, вела дискуссии — какими словами корректно называть то или это и что теперь подлежит отмене. И планировала так жить и дальше.

Однако тотальная социальная неустроенность не может сама собой бесследно уйти. Здесь генерируются пласты агрессивной энергии, которую умеют использовать в нужном направлении. Именно из социальной неустроенности появляются солдаты, готовые выполнять и перевыполнять любые приказы. Такую реальность никак не отменить, рано или поздно она настигает всех. За отрицанием и невниманием следует расплата, которая и назначает реальную цену псевдоблагополучию и «похорошевшей Москве».

АЛЛА МИТРОФАНОВА

философ, культуролог
и киберфеминистка, Санкт-Петербург

ВОЗМОЖНА ЛИ СМЕНА ПАРАДИГМЫ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ?

Основания неслышания и что ему противопоставить

1. Гиперагрессия и гипернеустроенность

Самой актуальной аналитикой для рефлексии текущего сложного состояния, в котором мы все оказались, мне представляются исследования «ресурсного проклятия», экономики, в которой нет нужды в развитии и воспроизводстве общества, последовательно разрушаются связи и социальные отношения. В ресурсной экономике граждане оказываются не нужны в качестве налогоплательщиков, ученых, что-либо производящих. Исключение составляет небольшая группа приближенных идеологов. Они нужны для обоснования социального неравенства, описываемого как внешнее вмешательство врагов, дурного исторического наследия, лени или «лишнего гена» неправильного населения. Так исчезает воспроизводство общества и возникает угнетенность, безнадежность. Одновременно разрушаются образовательная структура, отношения взаимопомощи, за экономическим неравенством приходит социальная депривация, а сейчас еще и психокогнитивная травматизация войной. В результате закрепляются непродуктивные когнитивные искажения, растет психопатология и, соответственно, болезненная немотивированная агрессия.

Что нужно было делать на этом фоне? Устраивать постоянные горизонтальные связи. Надо заполнять «пропущенное» пространство коммуникаций и совместных действий.

2. Гиперчувствительность

С 1970-х годов складывались историко-культурные причины новой чувствительности, которая дает ресурс для заботы и новой эстетики, но иногда принимает форму высокой раздражимости по разным поводам. Так, с 1970-х годов формировалось представление о новой, более свободной телесности, и оно нашло отражение в интересе к йоге, карате, появлении подпольных перформативных студий, переосмыслявших тело. В этот период создавались новые школы понимания телесности и перформанса: соматика, контактная импровизация, Body-Mind Centering. Тело стало мыслиться не как исполняющее культурные роли, а как гравитационный, тактильный, контактный инструмент.

В 1970-е же возникла философия телесности, сексуальности Мишеля Фуко. Появился гендерный анализ культуры (например, исследования культурных и гендерных различий

видения Лоры Малви). Складывалась феминистская критика науки (Келлер, Лонгино, Харауэй). Все эти исследования анализируют изначальные допущения формального мышления, задаются вопросами об аксиоматике: о том, что признается «знанием», а что — нет. Одновременно эти исследования — своего рода микрополитика, построенная на артикуляции таких вопросов, которые перенастраивают восприятие на большую чувствительность, на работу символических кодов описания действительности.

И дальше эта новая чувствительность накладывается на новую технологию. Уже в 1990-е годы усложнение мультимедийных компьютерных технологий приводило к расширению восприятия. Можно вспомнить хотя бы рейвы!

Все эти основания новой чувствительности, усвоенные здесь в той или иной степени, были важны. Советские (модернистские) социальные структуры давали людям довольно четкую социальную и культурную идентификацию, с их разрушением все «поплыло». И пришлось заниматься пересборкой уже на основе других ситуаций: множества культур и идентичностей, обостренных и расширенных типов чувствительности — всех и всего стало много и способы таких сборок стали пластичными и неокончательными. Все эти процессы требовали переизобретения социальных и политических институтов.

Поэтому сейчас мы не можем вернуться назад и воспроизводить старые жесткие социальные структуры. Например, после 50 лет очень сложной гендерной аналитики невозможно возвращаться к прежним гендерным отношениям. Но можно быть внимательным к работе этой гиперчувствительности, того культурного опыта, который накапливался задолго до * спецоперации.

3. Аналитика вместо канселинга

Все упомянутые явления могут провоцировать нетерпимость. Раз эта нетерпимость есть как опция, значит, тенденции канселинга возникли не вчера. Ситуация «отмены» началась намного раньше, до того, как мы сейчас ее обнаружили в острых политических конфронтациях. Были и тенденции канализации болезненной нетерпимости. Альтернативой всегда выступали научение тонкой аналитике и рациональный выход из фантазма и виктимизации.

Есть замечательные паблики, например, «Культура сквозь фем-оптику». Эта и аналогичные группы появились лет пять назад. Тогда они были не очень массовыми, и я радовалась качеству аналитики. Постепенно увеличиваясь в размерах (в 10 и 100 раз), они стали сдвигаться — например, от сложной гендерной аналитики в сторону нетерпимости. И здесь есть два варианта развития событий: либо развивать образовательную сферу и учить тонкой аналитике, либо принять, что мы неизбежно провалимся в радикальную нетерпимость (кстати, близкую всякой конспирологии, суевериям и мистицизму, куда уже провалились многие мужские сообщества, собранные через компьютерные игры, а до того в форумы типа Двача, стимулированные лихостью стиля общения и обнаженкой девиантного бессознательного).

Или есть «Ф-письмо» — это значимое культурное движение, которое выросло из семинара по гендерному анализу. Сейчас это один из самых мощных поэтических порталов. Он работает на формирование связей и преодоление культуры отмены. В этом пространстве ты можешь проговорить различия, оно изобретает язык, на котором можно проговаривать еще недавно неразличимое. Таким образом появляется возможность

перевода языка нетерпимости, радикально-фундаменталистского агрессивного отказа от разговора в процесс сложного перепостроения солидарностей. Так культура показывает обществу механизмы излечения.

Можно заметить и другие тенденции канализации и перестройки нетерпимости. Скажем, в последние годы наблюдались попытки создания этических комитетов, работа которых состояла в отказе от канселинга и взаимной агрессии в пользу организации пространств, где можно продолжать разговаривать. Продолжение говорения — это путь к политической форме согласия. С конца 2000-х годов работало много интерсекционных групп, которые занимались такой работой. К сожалению, они функционировали под большим давлением, их маргинализировали, поэтому они не смогли долго «продержаться», закрепить и передать свой опыт.

Есть ли солидарность как возможность согласия?

В обществе, которое прагматично специально разрушается, нет никакой солидарности или, например, «национальной идентичности», вопреки пропаганде. Даже если статистика говорит о большинстве, которое думает сходным образом, это не более чем еще одна машина идеологии. Когда большинство опрашиваемых в условиях ограничения свободы слова соглашается с официально одобряемым мнением, то статистика должна пониматься, как показывает Екатерина Шульман¹, в виде «доказательной» формы идеологии. То есть утверждается, что большинство именно таково, а ты маргинал, что как раз и разрушает солидарность.

Но аффект недовольства надо поймать, дать ему значение и включить в политический нарратив, в выгодную для власти идеологию. Начиная с 2000-х годов в публичном пространстве все время прокручиваются нарративы-«дурилки». То вдруг оказывается, что Россия — православная страна, то выясняется, что здесь обитает «глубинный народ», потом вбрасывают нарратив об «имперскости», при этом криминализируется разносторонний опыт советского с его опасными сюжетами социальной справедливости, интернационализма, гендерного равноправия. Важно, что эти идеологемы вбрасывает прикупленный небольшой кружок людей, задача которых — воспроизводить и продвигать мастер-знаки идеологии неолиберального толка. Долгое время казалось, что эти «смыслы» — белиберда, с которой невозможно спорить, потому что она не связана с дискурсивными сложными моделями (ни опровергнуть, ни верифицировать их ведь невозможно). Однако при этом они паразитируют, буквально присасываются к аффектам тревоги, неустроенности, раздражения, бедности, зависимости.

Военные действия в Украине нанесли психокогнитивные увечья гражданам РФ, для разных групп они разные. Для молодых людей это про украденное будущее. Для старших поколений, для моего возраста это про коварное следствие того, с чем мы боролись 30 лет. Мы пытались самоорганизованными структурами, малыми издательствами, сетевыми порталами поддерживать воспроизводство культурных смыслов. И даже иногда казалось, что у нас получается. Но сейчас пространство именно смыслов, а не одуряющих нарративов схлопнулось — стали закрывать медиа. И не понятно, что еще может работать, что можно реанимировать.

¹ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранный агента».

Да, системное давление на базовые социальные структуры усиливалось постепенно, закрывались фестивали, уходили из публичности конференции, увольняли преподавателей. Интеллектуальная жизнь почти ушла в подполье и в самоорганизацию, и таких примеров много. Студентов самоорганизованных школ все больше. Мы с ними продолжаем работать, пытаемся создавать альтернативную историю, анализировать политику через современные критические тексты, особенно последних лет. Даже есть впечатление, что мы поумнели, выяснилось, что часть начитываемой теории в последнее десятилетие, которая казалась абстракцией, очень конкретна и применима к сегодняшним обстоятельствам.

Как наращивать солидарность?

1. Отказаться от знакомого языка описания

Сегодня наблюдается привычка искать для описания происходящего знакомый язык. Я думаю, когда мы говорим о фашизме и даже о ГУЛАГе применительно к конкретной сегодняшней ситуации, мы действуем, как генералы, сражающиеся на прежней войне. А нам нужен актуальный злобный анализ социальной политики, политэкономии и идеологии, соотносимой с философией аффектов, а не с большими нарративами XX века.

Недавно мы со студентами по-новому читали текст Ника Ланда [«Kant, capital, and the prohibition of incest. A polemical introduction to the configuration of philosophy and modernity»](#). Ланд анализирует неолиберализм и его разделение на «природную невинную» экономику и политику демократии, прибегая к феноменам бандустана и резерваций. Он показывает, что это разделение, выводящее экономику из политики в природу, и есть основополагающая политическая репрессия. Резервации были устроены так, что люди на их территориях понимались как пассивная природа или трудовой ресурс, и у них по определению не было возможности политического высказывания, они территориально и телесно являлись другими, своего рода неразличимым «глубинным ресурсным народом». Экономика была натурализована вместе с жителями и территориями, а политики для жителей бандустана не могло существовать в принципе, поскольку они не принадлежат сфере политического.

Тут сложно не обнаружить параллели. В 1990-е нам объясняли: все устроится благодаря «руке рынка», экономика победит. И определенные популярные теоретики — вроде Ф.А. фон Хайека и Л. фон Мизеса, — желая избежать развития харизматических, тоталитарных режимов, делали ставку на эссециальность, природность, индивидуальное, личное, деполитизированное. В итоге они легитимировали безответственность индивидов, экономическое неравенство, натурализацию экономики, а политических возможностей у атомизированных индивидов для воспроизводства общества не могло возникнуть.

И мы сейчас видим, как это разделение сработало. Поэтому я считаю, что вместо воспроизводства риторики о ГУЛАГе и Сталине как мейнстримной политической критики необходимо изучать критику неолиберализма, социального расизма. Она точнее объясняет ситуацию, в которой мы находимся. Кстати, идеологемы вроде «глубинного» народа — это тоже натурализация. Что ты с таким народом сделаешь? Ну вот он такой по рождению, это генетическое вырождение, отрицательная селекция.

Между тем внедренная радикально–репрессивная форма неолиберализма вошла в нашу историю жестким инструментом. И мы этого не видели, в том числе из-за европоцентризма. Ну, потому что вот эти бандустаны могут существовать в Латинской Америке, Африке, но точно не в Европе. А неолиберализм вырос и репрессивной машиной поехал по своим гражданам. Кажется, что контракт власти и граждан был разорван десять лет назад во время условной «Болотной», дальше идет история борьбы и сопротивления. Мы видели, как проходили выборы на третий срок: абсолютно пустой город, военизированная среда, а потом толпы, десятки тысяч выступающих в разных местах и параллельное усиление репрессивной машины одновременно с последней возможностью трудоустройства для молодых мужчин не из столиц. Сейчас мы уже не можем выйти на улицу и собраться даже в количестве нескольких человек, потому что на улице все время стоят полицейские машины, автозаки. Я днем и ночью вижу с десятков постоянно дежурящих автозаков на Невском проспекте. И у меня до сих пор не разобрана сумка с возможной передачей для задержанных студентов. Я ее и не разбираю — она может пригодиться в любой день. Там теплые вещи, какие-то лекарства, книжка.

2. Критически присмотреться к неолиберализму

В последние десятилетия горизонт планирования людей был лишен времени и становления. Будто бы, как писал Фукуяма, история закончилась, можно просто жить.

В книге Люка Болтански и Эвы Кьяпелло «Новый дух капитализма» подробно объясняется, как возникла ситуация ультранасилия / эффективности новых политэкономических режимов. В СССР во время оттепели и после, в Европе после 1968 года выдвигалось два типа критики. Левая традиционная критика выступала за социальную безопасность, повышение зарплат и возможность высказываться. Другой вид критики предполагал «эстетическое несогласие с режимом». Так действовала часть советских диссидентов, но то же говорила и французская «новая волна». И эти две критики, по мнению Болтански и Кьяпелло, не сумели договориться и потеряли время. И поэтому с середины 1970-х годов начинается работа новой, очень жесткой неолиберальной сборки, когда сторонникам «эстетической» критики говорят: вы не будете отсиживать восьмичасовой рабочий день, вы будете эффективно выполнять работу из дома. А «левым критикам» обещают: мы поднимем зарплату, реорганизуем предприятия (правда, уволим 80% рабочих).

Не сразу стало понятно, что эти предложения привели к созданию невоспроизводящегося общества и эффективно воспроизводящегося капитала, сверхконцентрации капитала и массовой бедности. Как справиться с этим дисбалансом идеологически? А давайте отделим экономику от политики, просто запретим этот тезис? Личная жизнь, экономическое качество существования — эта область теперь как будто передана в сферу личной вины, исключена из политики, и можно заявить об окончательной победе демократии. И одновременно можно отменить профсоюзы, общественные и правозащитные организации.

Сейчас неолиберализм пришел к краху в Европе, удержание власти против граждан вызвало не только ограничения свобод внутри страны, но и выплеснулось большой войной против соседней страны. Если посмотреть тексты Тома Пикетти, Дэвида Грэбера, то мы увидим: этот разрыв, разрушение общества и возникновение сверхприбыли

создали угрозу примерно ту же, которая была в начале XX века. Но только у нас сейчас больше связей, больше чувствительности и потенциально больше возможностей исправить ситуацию. Вместо уже знакомых мейнстримных дискурсов можно обратиться к тем, которые последние 10—20 лет критически изучали катастрофические следствия неолиберальной политики в мире. Скажем, есть деятельность издательства Института Гайдара или деятельность Фонда Егора Гайдара. Они проиграли ресурсной олигархии и не смогли удержать концепцию развития страны ни в 1990-е, ни в 2000-е годы. Но при этом создали теоретическую альтернативу, своего рода «книжный окоп», переводили критические фундированные исследования альтернативных теорий, критическую аналитику, которая может быть применима к российской конкретной политэкономической ситуации.

Мне кажется, что сейчас перевод ранее маргинализированного критического дискурса в доминантный — это наша общая задача. Еще одна задача: развитие сильной традиции критики, соединение социальной, политэкономической критики с эстетической. Важно объединять критические подходы и пересматривать политическую историю, особенно последних 20 лет — с ее политической борьбой за выбор стратегии социального и экономического развития, изменения законодательства и расширения цензуры. И, конечно, диверсифицировать советскую историю (что в ней было изобретено как институты радикальной демократии, с чем радикальная демократия не справилась при переходе к тоталитаризму) через переосмысление правовых и социальных процессов. Иначе говоря, надо изучать, какие инструменты советской эмансипаторной политики могут быть актуальны и какие процессы нужно избежать. Оказывается, было много и статей по альтернативной (феминистской) экономике в 1990-е годы, работала фракция Женской партии Думы в 1993—1995-х годах (кто помнит, что там было 26 активных депутаток-феминисток, которые участвовали, в том числе, и в военных комитетах Думы?), именно им удалось спасти от оптимизации прежнюю социальную инфраструктуру — детские сады, районные поликлиники и пр.

Было бы перспективно в экономическом образовании перейти от изучения неолиберального корпуса текстов в следующую парадигму, которая создается альтернативными экономистами и феминистской экономикой. Упомянутая парадигма основана на идее, что экономика должна быть ориентирована на преодоление бедности, а не на сверхприбыли и списки Forbes. Будем надеяться на победу новой политэкономической парадигмы, в которой бедность будет понята как главная теоретическая проблема с множеством оригинальных решений в соответствии с культурным разнообразием образов жизни. Экономика прибыли и эффективности сменится политэкономией заботы с изобретением соответствующих социальных институтов. Здесь подспорьем выступают работы Эстер Дюфло, она получила в 2019 году Нобелевскую премию по экономике «за экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью», исследование Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» и др.

Новая парадигма поможет воспроизводить общество. В России оно, между прочим, имеет немалый опыт в виде массовых волн волонтерства. Просто взгляните, вокруг множество альтернативных институций: работают «Антон тут рядом», инклюзивные матерские «Простые вещи», большое количество психологов стало работать с агрессией, эмоциональной нечувствительностью (АНО «Мужчины XXI века»). Главный тезис — тре-

тий сектор должен стать первым. Если нам удастся из текущей катастрофы, из огромной системной поломки, из провальной экономической парадигмы перескочить в эту, альтернативную, то мы больше не будем наблюдать безумных афер, людей, которые злоупотребляют властью, используют ее для обогащения и демонстрируют своего рода компульсивную паранойю.

3. Предложить новые дискурсы

Мы говорили об уходе от неолиберальной экономической парадигмы, исключившей экономику из политики на основе допущения ее самоочевидной и недоступной анализу «природы». Рука рынка нейтральна и «все сама».

Это «по природе» эссенциализирует индивида либертарианской неосознанной установки. Я есть как сакральная целостность вне критики с естественно данными мне привилегиями. Это не советская, а неолиберальная атомизация, она часто соседствует с апологией личного успеха и конкуренции, насилием и сексизмом. С этой установкой можно работать с помощью интерсекциональной оптики.

Например, устраивать перформансы, которые помогают увидеть различия, привилегии — [privilege walk](#). Выстраиваешь людей на каком-нибудь публичном событии (фестивале, скажем) в линию и задаешь вопросы. Кто учился в хорошей школе? Сделайте шаг вперед. Кто знает иностранный язык? Сделайте шаг вперед. Кого наказывали родители? Сделайте шаг назад. В ходе таких перформансов возникают драматические истории. Мы стоим — знакомые, друзья. Кажется, что мы в одинаковых условиях. Мы даже держимся за руки. И вдруг оказывается, что пока кто-то бодро шагает вперед, другие движутся назад. И понимаешь: ты родился в таких условиях, рос в такой семейной обстановке, что тебе приходилось прилагать минимум усилий для достижения цели, пока другие для достижения тех же благ проходили через мало преодолимые трудности. Понятно, что твои привилегии — это не что-то естественное, это результат совпадения случайностей. Начинать надо с вот этого разговора, знакомить с пересечениями уязвимостей и привилегий, чтобы понимать современное социальное устройство и необходимость тех или иных социальных институтов.

Еще можно и нужно работать на поломку и деконструкцию доминирующего дискурса. Потому что проявившийся сейчас дискурс самопокаяния — это только отзвуки повышенной тревоги и боли, которые необходимо как-то оформить. И апелляция к коллективной вине — это ловушка размывания персональной вины. Так же вредны и абстрактные спекулятивные нарративы «глубинной истории» культурных типов, поскольку они подменяют актуальность и материальность социальной жизни и условий существования абстрактной идеализацией (читай скрытым политическим интересом).

Что касается семейных конфликтов, то лучше избегать агрессии. В каких-то случаях надо давать возможность людям осознавать происходящее. Потому что нежелание осознавать факты может быть психологической защитой, спасением от психиатрических срывов. Надо дать людям время, восстанавливая их безопасность хорошими воспоминаниями, семейными отношениями.

Есть методики психологической работы с теми, кого часто называют «зомбированными пропагандой». В Санкт-Петербурге еще с 1990-х годов психологиня Наталия Ходырева строила сеть по борьбе с насилием, с 2000-х годов действует организация

«Мужчины XXI века». В этой организации людям с заблокированной чувствительностью, не понимающим, какой урон они нанесли, объясняют, как принять эмоции другого.

Нам нужны такие психологи в огромном количестве. Раньше они работали в основном с прослойкой успешных агрессивных мужчин и практически не взаимодействовали с людьми из депрессивных регионов, где не существовали практически никакие социальные лифты, где силовые ведомства и армия — единственная возможность вырваться куда-то. Разумеется, еще нужны системные меры: децентрализация экономики, возвращение университетов в города с населением меньше миллиона и отмена государственного контроля над контентом образования.

А еще необходимо на дискурсивном уровне работать над денормализацией насилия (нужно принять закон о домашнем насилии), это базовый алгоритм деэскалации насилия. Нужно преподавать политический анализ в курсах по большим данным, учить пониманию базовых алгоритмов, на которые навешиваются эффективные ограничительные меры. Есть московская учительница Ирина Конторович, которая уже давно стала юристкой-активисткой. Она обнаружила алгоритм превращения учителей в манипуляторов на выборах. Оказывается, с 2007—2008 годов постепенно в сфере образования возникала следующая ситуация. Зарплата учителя складывалась из мизерной ставки (меньше МРОТ), премии от начальства и еще каких-то доплат за лояльность. Неиспользованные, то есть сэкономленные на урезании зарплат, деньги школа могла не возвращать в бюджет, тратить на свои нужды. Отсюда возник колоссальный разрыв в зарплатах между учителями и руководителями. И страх учителя «ослушаться» руководства, которое может легко лишит прожиточной зарплаты. Получается, что на развитие тотальных негативных тенденций влияет распространение вот таких очень технологичных механизмов подчинения.

Важно понять, что современная политика — это не гибель на баррикадах. Современная политика — это деконструкция репрессивных логик. Для этой деконструкции нужна новая аналитика и новые алгоритмы несогласия. Как киберфеминистка, я знаю, что алгоритмы технологической рациональности, программирование государственных услуг, алгоритмы коммуникационных сетей требуют политического мониторинга. Могут посоветовать уже переведенную книгу Кэти О'Нил «Убийственные большие данные». Будучи исследовательницей больших данных, она показывает, как политические интересы вписаны в «невинные» статистики и алгоритмы программирования. Есть и социологические и антропологические исследования (Люси Сачман, Аннмари Мол, Джон Ло).

Главный вопрос, на которой надо найти ответ, такой. Может ли сейчас, в критически сложных, но обязывающих к ответственности обстоятельствах, возникнуть такая солидарность между исследователями и преподавателями, которая будет в силах заменить доминантные парадигмы политэкономии, социологии, психологии, истории, этики, виновные в происходящей катастрофе, на новые подходы?

МИХАИЛ ГЕЛЬФАНД

доктор биологических наук, профессор,
член Academia Europaea, почетный член
Международного общества вычислительной биологии

ОТМЕНЯЮТ НЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ, ОТМЕНЯЮТ РОССИЮ

Логика отмены

В сложившейся ситуации важно различать отношение к людям и отношение к институтам. Сейчас отменяют не российских ученых, отменяют Россию. Точнее, Россия сама себя отменила. Процесс этот шел волнами. Были письма российских ученых о несогласии с происходящим, под первым из них оказалось больше восьми тысяч подписей. Потом были письма по профессиональным куриям: от математиков, географов, антропологов и еще много кого; письма от университетов и институтов: МГУ, Казанского университета, Санкт-Петербургского университета, Физического института РАН; письмо от представителей российской научной диаспоры — и под каждым из них сотни, если не тысячи, подписей. В ответ на это зарубежные коллеги, принимающие решения, руководители научных организаций, редакции журналов довольно резко остановили спонтанно начавшуюся волну расторжения контактов с российскими институтами. В публичных заявлениях, которые делали зарубежные научные общества, эти письма упоминались как свидетельство того, что российскую науку и российских ученых не надо мазать одним миром. На этом первая волна отказов в сотрудничестве со стороны иностранцев, которую можно охарактеризовать как рефлекторную реакцию на события, приостановилась. Некоторые редакции, выпустившие очень жесткие заявления, потом их отозвали.

Но потом пошла обратная волна, спровоцированная письмами противоположного содержания: «Очень важно в эти дни поддержать нашу страну, нашу армию, которая отстаивает нашу безопасность, поддержать нашего Президента, который принял, может быть, самое сложное в своей жизни, выстраданное, но необходимое решение...»¹. Самое известное из них — письмо Союза ректоров, которое подписали ректоры практически всех ведущих университетов. Поскольку письмо подписывает ректор, это в каком-то смысле официальная позиция университета. Там ведь не было написано «Виктор Антонович Садовничий, доктор физико-математических наук, профессор, академик». Там было написано: «Виктор Антонович Садовничий, ректор МГУ». Так маятник пошел в обратном направлении. Появились новые категоричные заявления

¹ <https://www.rsr-online.ru/news/2022-god/obrashchenie-rossiyskogo-soyuza-rektorov1/>.

университетов, научных обществ, редакций журналов, что никакие контакты с организациями, университетами, институтами после подписания подобных писем невозможны.

И все-таки во многих из этих заявлений по-прежнему подчеркивалось, что решения не затрагивают индивидуальные контакты с учеными, не касаются студентов, которые учатся в западных университетах, и так далее. И если говорить об отношении именно к ученым, то к разным ученым оно разное. Меня, например, никто не отменял, более того, в марте пригласили быть редактором довольно приличного журнала и, другие коллеги, присудили высший знак научного признания в нашей области — ISCB Fellow. И никто из коллег, с которыми мы работаем, не сказал дурного слова. Так что это все-таки в значительной степени вопрос личной репутации, а когда иностранным коллегам приписывают русофобию, это не вполне корректно, благодарить за происходящее надо только себя: и лично, и сообщество.

Коллективная трусость

Не очень адекватно, на мой взгляд, указывать на безвыходность ситуации, в которой оказались российские ректоры. Во-первых, есть чудесный пример Московского физико-технического университета, подпись ректора которого под первым вариантом письма появилась, а потом исчезла. Это сильный человек — к нему у научной общественности было много справедливых и не очень претензий, но сила характера у него точно есть. И я позволю себе отметить, что изъять свою подпись гораздо труднее, чем просто не подписаться, потому что не подписаться легко — ушел в запой и не подписался. Мы знаем из истории Советского Союза, что иногда именно таким способом обходили необходимость ставить подписи под разными письмами. Значит, не подписаться можно.

Когда слышу аргументы про ответственность за сотрудников университетов, мне кажется, это в значительной степени лукавство. Например, мой дед Израиль Моисеевич Гельфанд, за которым было довольно много народа, в свое время в Советском Союзе никаких писем не подписывал. Он не был активным диссидентом, можно почитать воспоминания Сергея Адамовича Ковалёва, который был его сотрудником, но вот как-то Израиль Моисеевич избежал подписания разного рода писем. Поэтому эти разговоры, на мой взгляд, про коллективную трусость. Если бы не подписал никто, ни с кем бы ничего не сделали. Но все боятся.

Есть хорошая статистика. Коллеги из «Диссернета» сопоставили количество фигурантов «Диссернета» в письмах за и против военной спецоперации. В тех, которые были аналогичны письму Союза ректоров, нарушителей академической честности было много. А вот среди тех, кто подписывал письма другого содержания, фигурантов «Диссернета» не нашлось. Для социологов это наблюдение должно представлять ценность.

Наука в условиях изоляции

Недавно было совещание, на котором бывший министр Фурсенко, а ныне сотрудник аппарата президента, прямым текстом сказал, что полгода еще проживем, а потом все закончится. Кажется, он из этого сделал забавный вывод, который состоял в том, что надо переставать заниматься фундаментальной наукой и заниматься наукой прикладной, чтобы оно опять все появилось.

Опыт Советского Союза показывает, что далеко не все удалось сделать, что хотелось. Проблема в том, что даже если что-нибудь одно сделаем, все равно это не поможет, ведь современная наука и современные технологии — материи комплексные и интегрированные. Хорошая биологическая работа высокого уровня — это много разнообразных экспериментов, а не что-нибудь одно, что мы научились делать. Современная наука сильно отличается от науки сорокалетней давности. Даже если какие-то изолированные удачные истории у нас получатся, науки как таковой будет все равно не очень. Если посмотреть лучшие работы российских ученых, опубликованные за последние годы, они довольно часто выполнены в соавторстве с западными лабораториями ровно по той самой причине: одни умеют одно, другие умеют другое, а вместе получается хорошо.

Сейчас некоторые из ученых-антизападников (такое бывает, я знаю несколько забавных случаев) говорят и пишут, что нас спасет сотрудничество с Китаем, но этого не будет. У меня есть разнообразный опыт общения с китайскими коллегами, уж что точно, так это то, что они не собираются никого спасать. Более того, как раз на днях президент Российской академии наук Александр Сергеев сокрушался, что Китай «поставил на паузу» научные отношения с Россией. И потом, разругаться с западной наукой и искать утешение в объятиях науки китайской — это довольно замысловатая стратегия. У китайской науки проблемы очень похожи на наши: вал липовых статей с подделанными результатами, отсутствие сильной внутренней экспертизы; разве что денег у них в разы больше, потому иногда что-то получается. Но что-то мне подсказывает, что денег в российской науке в обозримом будущем больше не станет: пока что в качестве предварительной меры сократили бюджет на 10 %.

Переживать изоляцию разные науки и разные люди будут по-разному. Если говорить про людей, участвовавших в больших международных проектах, их безумно жалко, для них многие двери закрылись, потому что участником международного проекта является не человек, а организация, человек лишь представляет страну. Вы не можете участвовать в проекте, как спортсмены нашей олимпийской сборной, под нейтральным флагом.

В биологии, по-видимому, будет довольно мрачно, потому что российская биология и так не слишком сильна по историческим причинам, а современную биологию в значительной степени нам просто невозможно будет делать. В зоологии, ботанике должно быть проще, цветы как росли, так и растут — там тоже требуются современные технологии и реактивы, но с ними можно как-то выкрутиться. Молекулярной биологии будет очень тяжело: сначала проблемы с реактивами и расходниками, а потом и с приборами. Занятия биоинформатикой и эволюционной биологией — проще, пока интернет не отрубил, можно этим заниматься. Потом возникнут проблемы с компьютерами, но какое-то время можно будет поработать на тех, которые есть. Ну а математики и теоретики как писали формулы, так и будут писать...

Как возможна российская наука без наукометрии?

С базами данных научной информации ситуация особая. Любая наукометрия является костылем. Куда лучше была бы система экспертной оценки, которая хороша, если она полноценно сделана. Но проблема России в том, что в ней очень трудно организо-

вать нормальную систему научной экспертизы, и причин этому две. Одна объективная, другая субъективная. Объективная состоит в том, что по многим направлениям науки в России работает лишь одна или две группы ученых, они вынуждены сами себя экспертировать. Условно, по четным годам новосибирцы москвичей, а по нечетным — москвичи новосибирцев. Это объективная ситуация. Обычно страны решают подобные сложности, прибегая к международной оценке. Вот я, например, был два года членом грантовой панели в Финляндии, в их основном грантовом агентстве, — и ни одного финна в этой грантовой панели не было, кроме технических работников, а все эксперты были откуда-нибудь еще.

Субъективная причина состоит в коррумпированности многих отраслей научного знания в России. Любая попытка отойти от библиометрии и прийти к экспертной оценке упирается в то, что эксперты некомпетентны и продажны. Например, была программа мегагрантов, в которой экспертиза была организована относительно прилично, с большой международной частью. Но я знаю ситуации, имевшие место уже на втором году программы, когда эксперты звонили непосредственно авторам этих самых заявок и предлагали с ними договориться. И это была флагманская программа, в которую вложили кучу денег.

Поэтому в России разные люди, принимающие решения, опирались на библиометрию со всеми ее недостатками. Все понимают, что библиометрия — формальная вещь, она приводит к тому, что публикуются тонны бессмысленных статей для отчетов, в худшем случае там просто тупой плагиат. С костылем ходить плохо, но лучше все-таки с ним, чем прыгать на одной ноге... А теперь этот костыль выбили, доступа к базам данных научной информации нет, они больше не пополняются российскими статьями.

О (не)возможности нейтрального флага для российских ученых

Индивидуальные спортсмены имеют возможность соревноваться без флага и гимна. И тут ничего не поделаешь — флаг и гимн оказались опорочены допингом, подлогами, фабрикацией тестов на государственном уровне. Если говорить про ученых, то ситуация в значительной степени схожа. Оказалось, что у нас в стране есть ученые и научные администраторы, которым безынтересна репутация российской науки. А безынтересна она им потому, что у них самих по разным причинам репутация плохая. В результате мы все вместе приплыли. Вина индивидуальна, но ответственность коллективна. Если от твоего имени сотворена мерзость, к сожалению, приходится страдать вместе со всеми, когда на нее прилетает реакция.

Если говорить про ситуации, когда редакции журналов отказываются публиковать статьи российских авторов, то тут все складывается очень по-разному. Бывает, что помогает письмо главному редактору со словами, мол, что же ты, нехороший человек, делаешь.

Иногда редакции объявляют, что они не преследуют ученых, статьи рассматриваются с точки зрения научного содержания, но поскольку они не поддерживают связь с российскими институтами, то, пожалуйста, публикуйтесь, но без аффилиации, как частное лицо. Это хорошее решение. Если страна в целом наказана за употребление допинга, но спортсмены, тем не менее, имеют возможность в олимпиадах участвовать, это лучше, чем полная дисквалификация. Пока не вполне понятно, как этими статьями отчитываться.

Но РФ, по-моему, эту ситуацию в последних вариантах контрактов учел и там как-то сформулировано, что можно отчитаться статьей без аффилиации и упоминания конкретного гранта РФ; нужно только дополнительное объяснение.

Исторические параллели

Советский Союз никто не отменял: даже при холодной войне, официально объявленном противостоянии двух систем, научные контакты происходили настолько, насколько это позволяли органы госбезопасности заинтересованных государств. Никто не знает, как будут организованы в дальнейшем научные контакты с Россией, как будут устроены взаимоотношения между российскими учеными и японскими, американскими, европейскими... Никто не знает, как будут устроены взаимоотношения между лабораториями. Между институтами, как уже видим, взаимоотношений, скорее всего, не будет.

Почему именно сейчас такой острый ответ? Потому что ситуация на самом деле не сопоставима ни с чем, что человечество переживало после Второй мировой войны, ни с войной в Корее, ни с войной во Вьетнаме, ни с китайско-вьетнамской войной, ни с советско-афганской войной. Кроме того, мир изменился, интернет появился, сильнее стало давление общественного мнения на тех, кто принимает решения. На мой взгляд, многие решения принимаются под мощным давлением общественного мнения. Это не хорошо и не плохо. Со многими проявлениями культуры отмены я не согласен, но она существует, это медицинский факт.

Есть еще один аспект, который редко упоминается, но который полезно иметь в виду. Объясню его на конкретном примере.

В 2015 году организовалась Общеввропейская ассоциация «Синхротрон». Синхротрон — это такой очень большой прибор, очень дорогой, их всего с полдюжины в Европе. В России синхротрон есть в Курчатовском институте, но работает он еле-еле, никакой великой науки на нем никто еще не сделал. И вот с большой помпой Курчатовский институт провел заседания этой ассоциации в Москве. В истории этого института много было волн всякой деятельности, которую в разные периоды пропагандировал его директор Михаил Валентинович Ковальчук: сначала нанотехнологии, потом био-инфо-, когни-, потом к ним еще социо-добавилось, получился НБИКС, а это случилось, когда стало модно говорить про «меганауку».

И тогда же в 2015 году тот же Михаил Валентинович выступил в Совете Федерации, впервые официально доложив сенаторам про страшную опасность генетического оружия, которое направлено против конкретных этносов. А еще он рассказал, что неправильно публиковаться в международных журналах, потому что международные журналы — это такой способ, которым Америка и Германия добывают сведения о том, чем занимаются российские ученые. Эта речь была переведена на английский язык, и я разослал ее руководителям всех этих синхротронов, которые приезжали в Москву, пили чай с Михаилом Валентиновичем и участвовали в заседаниях мегасайенс. Общий ответ иностранных коллег, присланный одним из них, сводился в конечном счете к тому, что без финансового вклада России какие-то большие проекты не удастся реализовать, а *resunia non olet* (он не так написал, но смысл был тот). Я сейчас перепросил: оказалось, потом они пересмотрели свою точку зрения; после какого-то очередного

выступления Ковальчука в 2020 году профессор, с которым я был в переписке, вышел из Наблюдательного совета Курчатника. Но ребенок к этому времени уже вырос.

Мое наблюдение состоит в том, что чем больше было связей у страны с какими-то не лучшими проявлениями жизни в России, тем жестче представители этих стран реагируют сейчас. Сильно подозреваю, что гиперреакция, которую мы иногда наблюдаем, связана с опасениями, что кому-то у него же в стране какая-нибудь газета вспомнит подобные истории и предъявит счет. Даже если какой-то научный чиновник в Брюсселе все понимает и хочет продолжать контакты с российскими учеными, ему любая европейская газета может предъявить письмо Союза ректоров и спросить: «Вы точно с этими собираетесь общаться?» Он не сможет ответить: «Нет, знаете, там Миша Гельфанд, он хороший, с ним все хорошо». Так не бывает. Не может быть бюрократического решения, состоящего в том, что кто-то разбирается, что МГУ плохой, а какой-нибудь профессор в МГУ хороший. Так это не работает. Это очень обидно и несправедливо. Но вот зимой холодно и плохо, с этим тоже ничего не поделать.

Ученые в эмиграции

К сожалению, мы сегодня довольно сильно ограничены в выборе терминов и понятий для обсуждения, патристическую ерунду можно нести невозбранно, а возражать ей — дело чреватое, потому постараюсь говорить аккуратно.

Довольно многие люди уехали не потому, что они по каким-то причинам не могут продолжать заниматься наукой в России, а потому, что продолжение пребывания здесь повлекло бы для них существенные жизненные проблемы репрессивного характера. Тут вопрос, кто кого предал: человек родину или родина человека. У меня уехало довольно много учеников, к родителям некоторых из них сейчас приходят участковые и интересуются, где детишки. Это одна сторона.

На это можно посмотреть по-другому: люди уехали и сохранили себя. И наша задача — тех, кто не уехал, — сохранить связи с этими людьми в надежде, что, когда ситуация изменится, они вернуться и помогут поднять страну. В 2000-е годы таких примеров было довольно много: люди уезжали, какое-то время работали на Западе, потом возвращались, это было совершенно замечательно. С большинством моих бывших студентов, которые работают на Западе, у нас сохраняются отношения и личные, и рабочие, по-моему, это очень хорошо и правильно.

Уезжает много сильных ученых, и уровень науки в целом, по-видимому, довольно сильно упадет. В решении уехать есть три компонента. Первая — чисто эмоциональная. Люди, у которых эта компонента сильна, уезжали и раньше. У меня очень сильные ученики уезжали еще в начале 2010-х с мотивировкой, что все нравится, кроме окружающей действительности. Наука нравится, лаборатория нравится, я нравлюсь, зарплата нормальная, не шикарная, но во всяком случае позволяет жить, только окружающая действительность не нравится. Эмоциональная компонента за последние полтора месяца довольно сильно приобрела в значении. Вторая компонента — прямой страх репрессий. И третья — востребованность. Человек, уезжая, понимает, что там ему будет чем заняться, он найдет свое место. И опять-таки в каждом индивидуальном решении, я подозреваю, эти три компонента как-то по-разному влияют на выбор в зависимости от человека.

С надеждой в будущее

Сообщество ученых может сделать много разных коллективных шагов. Проблема в том, что инициаторы этих шагов немедленно будут посажены в каталажку, в хорошей ситуации — после того, как шаг будет сделан, в плохой — когда только ногу поднимут.

Но есть и организационный аспект. Важно думать о том, что можно сделать, чтобы наука просто не прекратилась как занятие. Я говорю сейчас не про социальные науки, я их хуже понимаю, а про естественные. РФФИ, например, пытается делать какие-то вполне разумные шаги. Наука как система должна продолжаться, важно не допустить ее коллапса. Это одна сторона.

Вторая сторона вопроса касается действий, которые необходимы, чтобы не допустить развала научного этоса и института репутаций. Да, институт репутаций был слабенький, но постепенно креп: благодаря деятельности разных организаций и отдельных лиц появилось понимание, что плагиат, подлог данных — это неодобряемые практики (а лишь несколько лет назад к ним было полное безразличие). Институту репутаций, подозреваю, грозят довольно серьезные испытания, ведь в последние годы он в значительной степени опирался на сопоставление с Западом. Европейский кодекс публикационной этики, недопустимость дублирующих публикаций, неприемлемость журналов-хищников... — какой был довод у всего этого? Никто в мире так не делает. А когда говорили, что у нас в Тмутаракани все так делают, им отвечали, ребята, мы же не хотим всю жизнь, как в Тмутаракани. Но теперь этот довод пропадает, теперь Запад — это враги.

Третья сторона. Вот те письма, которые упоминались выше, они же были не про то, что не наказывайте нас, продолжайте нас публиковать, потому что мы белые, пушистые. Там не было этого шкурного элемента, мол, вот нас не отменяйте, пожалуйста, мы не виноваты. Там скорее была тревога именно за репутацию российской науки как общественного института, как явления. И это важно пытаться сохранить, несмотря на то что никакое общественное действие в этой области теперь невозможно. То самое письмо, под которым поставили подписи больше восьми тысяч ученых, было опубликовано, но сайт, на котором оно было опубликовано, немедленно заблокировали.

Кстати, это ведь тоже культура отмены. Мы как-то привыкли этот термин применять к происходящему в Европе и Америке, но у нас-то самих культура отмены институционализована, у нас есть Роскомнадзор, который этой самой отменой занимается, Министерство юстиции... Целые отделы сидят и работают, и каждый день читаешь, что кого-то еще отменили.

АРТЕМ ОГАНОВ

кристаллограф, минералог, химик. профессор Сколтеха и зав. кафедрой в МИСиС, член Европейской Академии, Fellow Королевского химического общества и Американского физического общества

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ — ЭТО БЕСКУЛЬТУРЬЕ И НЕТЕРПИМОСТЬ¹

— За последний месяц многие научные организации, лаборатории, коллаборации расторгли контракты, приостановили сотрудничество или изменили условия работы с российскими учеными. Как Вы считаете, можно ли это назвать культурой отмены российской науки?

Это прежде всего выражение войны Запада против России — то, что происходит, — это именно война. Но также это и попытка отмены российской науки, попытка стереть ее с лица земли, из памяти, из истории. Вряд ли вы будете хвалить астрономов или биологов за то, что правительство их страны ведет политику, которая вам нравится. Удивительно, но мало кому приходит в голову, что столь же странно было бы и наказывать этих ученых за ненаврядные вам решения их правительства. Наверное, самые страшные военные преступления после гитлеровских концлагерей и блокады Ленинграда — бомбежки Хиросимы и Нагасаки, войны в Ираке, Вьетнаме, Корее. И, как мы видим, все эти самые страшные преступления, если считать по числу жертв, были совершены американцами. Но не было никакой дискриминации американских ученых, не было никаких попыток их за это наказать. И я считаю, это правильно, ведь американские ученые занимаются наукой, они не воюют с вьетнамцами, с корейцами, афганцами, иракцами.

Из этого правила можно сделать совсем немного исключений. Когда Манхэттенский проект был завершен, группа его руководителей во главе с Робертом Оппенгеймером написала письмо, которое совсем недавно сделали достоянием публики, в нем была озвучена просьба к американскому правительству применить ядерную бомбу в реальных боевых условиях, а не на испытаниях. Это письмо является преступлением со стороны конкретных ученых. Но оно было подписано лишь несколькими людьми, а в Манхэттенском проекте работало много ученых, у которых могли быть совсем другие соображения на эту тему. Впрочем, были и люди, которые по этическим причинам вообще отказались от участия в этом проекте, например великий химик Лайнус Полинг, которому предлагали возглавить химический отдел этого проекта, — но он решил не пятнать свою честь.

¹ Интервью для Социодиггера взяла Ирина Шрайбер, Ph. D., кандидат физико-математических наук.

Если не брать Хиросиму и Нагасаки, то ни одна война, которую мы только можем себе помыслить, не имеет отношения к ученым. Не ученые их развязывали — с учеными, скорее всего, ни в одном случае даже не советовались. И я не понимаю, почему ученые или обычные граждане этих стран должны испытывать на себе дискриминацию.

Культура отмены — это бескультурье, попытка вычеркнуть человека вместо сосуществования и диалога с ним. Вообще некое подобие культуры отмены существовало еще в Римской империи — к сильно виноватым императорам применялась репутационная казнь *damnatio memoriae* — проклятие памяти. Было несколько императоров, которых подвергли ей, среди них Калигула и Нерон. Нечто подобное делалось и в Египте, когда имена некоторых прежних фараонов выскабливались с официальных надписей. Ударившись об стенку, люди пытаются пинать стенку, наказать ее. Это немного по-детски.

Декоммунизация в разных странах с особенной демократией — тоже хороший пример. Люди борются с памятниками Ленина — ведь это проще, чем бороться с коррупцией и враньем политиков или с внешним управлением. Проще бороться с памятником — это путь трусов.

На Западе сейчас борются с живыми людьми. Это немного посмелее, чем бороться с памятниками. Но если всей толпой кого-то затравить — то это не страшно, а даже весело. Это тоже путь не этики, а антиэтики.

Культура отмены борется с теми людьми, само присутствие которых в информационном поле ей противно, уютнее существовать без них. Также это может быть просто конкуренция, убивают конкурентов, как, например, на Олимпийских играх отменили российскую олимпийскую сборную. Допингуют, в общем-то, все. Может быть, русские допингуют чуть больше, но я в этом не уверен. Отменили паралимпийскую сборную — инвалидов, которые, насколько я знаю, не были уличены в допинге. Отменили просто потому, что проще без сильного конкурента. Я бы предложил отменить вообще все сборные, кроме американской: тогда все медали будут у правильной команды, и даже допинг не понадобится.

Так что культура отмены связана либо с бескультурьем и нетерпимостью, либо просто с попыткой уничтожить конкурента и получить первое место там, где в нормальных обстоятельствах его бы не было.

В настоящей ситуации культура отмены — это еще и способ показать, какие все вокруг моральные. Люди против войны. Но ведь все нормальные люди против войны, против любой войны. Вместо того, чтобы сделать что-то хорошее для украинцев, считают, что покажут свое моральное превосходство, сделав что-то плохое русским. Можно же было пожертвовать деньги или одежду украинским (а также иракским, сирийским, афганским, ливийским) беженцам, но вместо этого бесплатно плюнули в лицо россиянам — а заодно и русской науке.

Когда речь идет о попытках отмены России — это еще и обычная ксенофобия. Обычная русофобия. Русофобия — это, в общем, форма нацизма. Русофобия ничем не лучше и ничем не хуже антисемитизма. Когда людей выгоняют, избивают, обвиняют, например, цыган просто за то, что они цыгане, это форма нацизма. Этого и сейчас очень много — мой близкий друг работает с цыганскими беженцами и рассказывает страшные истории, которые сегодня происходят в Европе. Думаю, что вирус нацизма сидит глубоко

в людях, можно сколько угодно говорить, что все извинились и покаялись за нацизм, но в той или иной степени, в тех или иных проявлениях это все равно будет вылезать. И дискриминация цыган тому подтверждение. Дискриминация россиян, которую мы сейчас наблюдаем, это тоже форма нацизма.

— Столкнулись ли лично Вы или Ваши коллеги с проблемами и как это отразилось на организации и работе? Что изменилось во взаимоотношениях с зарубежными коллегами?

Возникли запреты на продажу научного оборудования в Россию. Как и на что это повлияло? Почти все необходимое измерительное оборудование, как выяснилось, есть в Китае. То есть европейские и американские компании просто открыли огромный рынок для китайцев. И сейчас они пытаются давить на Китай, чтобы тот не продавал нам ничего. Но давить на Китай — сомнительный по своей успешности шаг. Думаю, это стратегическая ошибка. Также сейчас начнет подниматься научное приборостроение в России, а все, что необходимо на коротком временном промежутке, мы будем покупать у Китая.

Есть оборудование, которое Китай не особо производит, это суперкомпьютеры и процессоры. У Китая есть свой дизайн процессоров, но физически они производились на Тайване. Теперь эти поставки заблокированы. Сейчас Китай разрабатывает свою микропроцессорную базу, создает производство, и в течение двух лет, по имеющейся у меня информации, они уже будут производить собственные микропроцессоры с нуля и без зарубежных компонентов. Для моей лаборатории необходимы суперкомпьютеры. Сейчас мы можем оптимизировать наши алгоритмы и продержаться пару лет на том оборудовании, которое у нас есть, — а через пару лет будут новые вычислительные ресурсы.

Еще один аспект. У нас был заключен контракт с немецким отделением компании Sony. Контракт заключен, мы сделали часть работ, нам должны были оплатить первую фазу исследований. Когда контракт был подписан, даже устроили официальный kick-off meeting, то есть инаугурационную церемонию нашей коллаборации с компанией Sony. Спустя короткое время получил от них письмо, что из-за войны на Украине они разрывают контракт и ничего нам не заплатят. При этом написали нечто невнятное о том, что они живут в свободной стране и у них свободная пресса. И еще была приписка: «Don't take it personally». Конечно, не воспринимаю это все лично, однако мои сотрудники работали над проектом и им должны были заплатить, но не заплатили. Я не понимаю, как эта бесчестность и неуважение к собственному контракту помогает украинцам. Пока что я вижу, что это немного мешает россиянам и помножает на ноль репутацию компании Sony. К слову, компания Sony еще несколько лет назад купила лицензию на мою программу USPEX. Эта лицензия была дана им со скидкой и бессрочно. У меня сейчас есть абсолютное моральное право эту лицензию аннулировать, но я считаю себя выше этого и не хочу опускаться на тот же моральный уровень, на который себя опустила компания Sony.

— Вы вспоминали про олимпийцев, последние игры проходили под нейтральным флагом для россиян. Должны ли и ученые выступать под нейтральным флагом? Вот мы с вами ученые, можем ли мы работать под нейтральным флагом?

Не раньше, чем под нейтральным флагом начнут выступать американские ученые — из-за войны в Ираке (которая убила миллион мирных жителей), а также войн в Ливии, Сербии, Сирии, Панаме, Гренаде, Сомали, Вьетнаме и бесчисленном множестве дру-

гих стран. Не раньше, чем под нейтральным флагом станут выступать французские ученые — по причине того, что Франция уничтожила Сербию и Ливию. И немецкие ученые пусть покажут пример выступления под нейтральным флагом — ввиду того, что немецкие солдаты участвовали в бойне в Афганистане и бомбили Сербию. Если ученые этих стран (а также Британии, Испании, Польши и т. д.) начнут выступать под нейтральным флагом, я с удовольствием поддержу инициативу. Если они не найдут сил этот пример показать, я это не поддержу.

Мне кажется, границы между странами — это зло, потому что государства очень часто идут на абсолютно морально неприемлемые поступки в виду своих «национальных интересов». И ничего тут не поделаешь: у них действительно есть национальные интересы, но часто они несовместимы с национальными интересами других стран и жизнями их граждан, поэтому само существование стран — это сомнительная ценность. Но раз уж мы живем в таком мире, где есть страны, то давайте для всех стран придерживаться одинаковых правил.

— Сейчас в очень редкой области ученый может создать что-то один, тем более если это не теоретик, экспериментатор. В основном это совместная работа коллектива ученых. Может быть, имеет смысл в больших научных коллаборациях отменить аффилиацию вовсе? Или это тоже может быть неким признаком культурной отмены уже на более глобальном уровне?

Сейчас многое завязано на конкуренцию между организациями и странами. Если вы отмените аффилиации, то исчезнет возможность определять по публикациям наиболее успешные организации, а это ударит по лучшим. Например, Гарвардский университет занимает первые строчки во всех рейтингах, что дает ему возможность получать лучших студентов и профессоров, а также неоправданно высоко задирает плату за обучение, богатство же университета позволяет ему создавать самые современные лаборатории. Если исчезнут рейтинги, то все это станет невозможным. Это соревнование вносит определенный динамизм в жизнь научных учреждений. Можно его потерять, отменив аффилиации и рейтинги, — но ради чего? Что мы приобретем с этой отменой?

— Недавно был закрыт доступ российских ученых, российских организаций к базам Scopus и Web of Science. Они закрывают этот доступ и при этом говорят, что готовы принимать наши публикации. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Думаю, что это очень глупо. Вредить русским — это не то же самое, что помогать украинцам. Могли бы сделать подписку на все журналы для Украины бесплатной, но я не слышал о таком. Вместо этого они закрывают подписку российским научным организациям. Это нарушение контрактов и обнуление собственной договороспособности.

— В российской науке в последние годы была установка на международное сотрудничество, это в том числе отражалось в требованиях по наличию публикаций в международных базах данных. Появились призывы, мол, давайте станем независимыми от западного наукометрического колониализма. Вы говорили, что мы сейчас начнем сотрудничать с Китаем. Мы продолжим строить курс на международное развитие или будем сворачивать с него? Отмена российских ученых может способствовать развитию науки внутри России или, напротив, приведет к стагнации?

Наука может быть только международной. Наука — это достояние всего человечества. Поэтому любая нормальная страна всегда держит курс на научное сотрудничество с другими странами. Если какая-то страна такое сотрудничество сворачивает, значит, она ненормальная. В России, при всех известных недостатках нашего государства, все-таки уже очень много лет четкий курс на международное сотрудничество. Если вдруг какая-то страна хочет с Россией порвать международное научное сотрудничество, значит, с этой страной что-то не так. В политике Россия может ошибаться или даже совершать преступления — точно так же, как и любая другая страна. Но все это никак не должно отражаться на международном научном и культурном сотрудничестве, потому что наука и культура — вне политики, ученые и деятели культуры не могут отвечать за действия политиков, а принадлежат наука и культура всему человечеству. Мешать научному и культурному сотрудничеству — это преступление.

Выживет ли Россия? Безусловно. Сейчас вторая, если не первая супердержава в науке — это Китай. С ним научное сотрудничество будет расти очень быстро: там на правительственном уровне всячески подстегиваются научные контакты с Россией. Много хороших ученых в Иране. Сколько-то хороших ученых есть в Индии. И так далее. Будем сотрудничать с ними. Будем поднимать свою собственную науку. Потенциал российской науки далеко не полностью реализован. Есть много замечательных региональных центров, у них огромный потенциал для роста, они могут привлечь молодых ученых из научных столиц и на их талантах строить новые научные школы.

Российские научные журналы в большинстве своем слабые. Есть один журнал мирового уровня «Успехи химии» и парочка журналов относительно неплохого уровня, например «Успехи физических наук». А все остальные издания — слабые. Пора на деле, а не на словах, заняться ими. Нам не оставляют выхода — теперь надо развивать собственные журналы, надо публиковаться в хороших китайских журналах.

— Сейчас исключают Россию и российских ученых, а какими последствиями это грозит, собственно, международному научному сообществу?

Россия производит около 2—3 % научных публикаций в мире, поэтому исключение России из международного научного сообщества, как может показаться, будет довольно безболезненным. Да, среди этих 3 % публикаций есть очень и очень ценные — и легко могу представить ситуацию, когда российские ученые будут делать какие-то открытия, а потом западные ученые будут их переоткрывать, либо зная о работах российских ученых и воруя их из «малоизвестных» российских журналов, либо искренне не зная — ведь наши журналы действительно малоизвестны.

Но дело вовсе не в сокращении объема мировой научной литературы на 3 %. Если вы пытаетесь вводить культуру отмены в науку, то это подрывает на корню сам дух науки. Около десятилетия назад начался упадок в гуманитарных науках — политическая корректность привела к тому, что какие-то темы оказались запрещены для научных исследований, какие-то выводы делать стало нельзя, а какие-то нужно. В естественных науках пока что такого я не замечал. Да, есть предложения разных активистов отменить математику в университетах, потому что математику изобрели белые. В отдельных университетах предлагали отменить Аристотеля, а вместо него преподавать учения чернокожих философов сопоставимого масштаба — правда, я не знаю, какие конкретно

философы имелись в виду. Но пока что это было на уровне каких-то активистов, студенческих организаций и так далее. А вот сейчас реально пытаются отменить российскую науку — на конференциях, в журналах, в научных премиях. И это уже не уровень студентов-двоечников, обиженных на математику и Аристотеля.

— Многие ученые уезжали из России, чтобы заниматься наукой в другой стране. Правда, ситуация была совсем другая. Потом возвращались обратно. Сейчас многие молодые люди стремятся уехать, найти лучшее будущее для себя. Примут ли их зарубежные научные коллективы? Когда все закончится, примут ли их в России?

Думаю, наших молодых ученых на Западе с удовольствием будут брать. Мозги нужны любой стране. Запад сейчас постарается высосать все таланты из России. Конечно, это потеря. Для России как никогда важны талантливые люди, часть из которых сейчас уедет за границу. Причем уедут они с разными чувствами. Знаю людей, которые, уезжая на Запад, держат в кармане фигу и говорят: «Я сделаю здесь свою научную карьеру, но я за свою страну, я все-таки гражданин России». А есть те, кто «бежит из этой проклятой России на благословенный Запад», где все тихо, спокойно и люди любят друг друга. Думаю, как те, так и другие потом вернутся в Россию, и в этом ничего плохого не вижу, только хорошее. Эти люди отучатся на Западе, получат профессиональную квалификацию, опыт жизни в разных странах, вернутся и будут полезны своей стране.

В замкнутой системе возможны такие уродливые явления, как Лысенко, который, будучи слабым ученым, нигде в мире не признанным, смог втереться в доверие руководства страны и внутри этой страны быть провозглашенным великим. А ведь международному научному сообществу было очевидно, что этот человек — ноль. В изолированной научной системе такие вещи вполне возможны. Если мы позволим себе изолироваться, нас ждет именно это.

Есть понятный, хотя не очень простой способ преодолеть эту изоляцию даже с пользой для себя. Повторюсь — сверхдержавой № 2 в науке является Китай. Для меня нет ни малейшего сомнения, что при трудолюбии китайских ученых, при уважении китайской культуры к науке, при целеустремленности и блестящем стратегическом планировании правительства Китай станет сверхдержавой № 1. Будущее человечества находится там, в Китае. Сотрудничать со стороной, за которой будущее, перспективно.

Но большинство российских ученых совершенно не знакомы с трудами китайских ученых. Как они смогут влиться в коллаборации с китайцами, если они их не знают? Наилучший способ познакомиться — это конференции. Конференции — хороший способ следить за новостями науки и заявить о себе. Самые дельные научные конференции, на которых я присутствовал, вовсе не европейские, а американские и китайские: конференции Американского физического общества, Американского химического общества и совершенно эквивалентные им конференции, которые организуются в Китае. Если российские ученые смогут массово участвовать в них, чтобы там было много наших делегатов, а также организовывать конференции в России с большим присутствием китайцев, индусов, мы сможем преодолеть эту замкнутость, в которую нас вгоняют.

Думаю, блокада России, которую пытаются сейчас устроить, напрямую не связана с войной на Украине. Война стала лишь поводом. Все к этому шло. Вспомните бойкот

нашей олимпийской команды... С этого начали, потом другое, потом третье. Это все так или иначе произошло бы. Сейчас такая интересная эпоха, когда Запад уступает пальму первенства Китаю и вступает в период жесткого кризиса, связанного и с долгами, с неэффективностью экономической модели, с тем, что Китай вытеснил Запад из Африки и многих азиатских стран и был очень близок к тому, чтобы вытеснить, например, США из Европы. Программа «Один пояс и один путь», великий Шелковый путь XXI века, была нацелена на то, чтобы китайские товары транспортировать через всю Евразию, это понизило бы их цены за счет более легкого транспортирования, привело бы к массе инфраструктурных проектов с участием Китая — по строительству железных дорог, аэропортов и пр. Мне кажется, американские товары в этом случае потеряли бы конкурентоспособность и вынуждены были бы покинуть европейский рынок. Это бы ускорило процесс перехода мира к такой стадии, где Китай был бы лидером.

Америка пытается этому помешать — и правильно делает с точки зрения своих национальных интересов. Устраиваются разные конфликты вдоль маршрута Шелкового пути — в Сирии, на Украине. Страны сражаются друг с другом, объявляются экономические блокады и санкции против таких компаний, как Huawei, конкурировать с которыми американские компании попросту уже не в состоянии, поэтому пытаются их отменить. Пытаются отменить и Россию. Кажется ошибкой и переоценкой собственных сил то, что западный мир решил одновременно бороться и с Китаем, и с Россией. Мне кажется, победа Китая во всей этой схватке более или менее неизбежна. В каком состоянии к этому моменту будет Россия, я не знаю. Сейчас пытаются ее всячески сломать, но, мне кажется, Россия выстоит.

— 16 февраля я читала лекцию детям, рассказывала про CERN, про то, что он был создан после войны для соединения разрозненного мира. Наука старается быть вне политики. Но мы же понимаем, что она спонсируется государствами на деньги налогоплательщиков. Тем или иным образом политика вовлекается. Как Вы думаете, наука без политики — возможный или невозможный феномен?

Это возможно и нужно. Да, науку спонсирует государство, но ученые работают не на государство, а на страну. Плоды труда ученых всходят не сразу, а спустя время. Сегодня вы делаете открытие, практическая польза от которого придет через двадцать лет — к тому времени правительство поменяется много раз. Независимо от политического режима стране нужна наука, поэтому мы, ученые, работаем не на конкретное правительство, не на его сиюминутную политику, а на будущее страны. Когда Гитлер был у власти в Германии, большинство немецких нобелевских лауреатов уехало из Германии, и их можно понять. Но Макс Планк не уехал. Он не поддерживал режим Гитлера и, находясь в Германии, пытался сделать все, что только мог, чтобы был мир, чтобы не притесняли евреев и чтобы его родная страна была благополучной и умной. Мне кажется, это исключительно благородный посыл. И надо сказать, что в научном сообществе никто Макса Планка не осудил и даже не подумал осудить за то, что он не уехал из Германии. Правы или неправы мои политики — это один вопрос. А моя страна — это другой вопрос. Даже если моя страна неправа, я могу в ней жить и способствовать тому, чтобы она стала умной, благополучной, мирной. А если моя страна права, так уж тем более из нее бежать нельзя.

ПИППА НОРРИС

профессор Гарвардского университета

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Пересказ основных тезисов статьи П. Норрис

Феномен культуры отмены исследуется Пиппой Норрис в ее недавней статье «Культура отмены: миф или реальность?», опубликованной в журнале “Political Studies”¹. П. Норрис отмечает, что в последние несколько лет между прогрессивными либералами и социальными консерваторами разгораются жаркие дебаты по поводу применения культуры отмены, что свидетельствует об углубляющейся идеологической и ценностной пропасти между ними. Конечно, в публичном порицании еретиков и инакомыслящих нет ничего нового, подчеркивает автор, в мировой истории существует множество примеров на этот счет — это и фанатичное преследование религиозных неконформистов, и средневековые наказания с заковыванием в колодки и привязыванием к позорному столбу на городской площади, и пресловутый судебный процесс над салемскими ведьмами.

Тем не менее спекуляции современных медиа по поводу клеймения позором знаменитостей из мира развлечений и книгоиздательства, а также политических деятелей и представителей академического сообщества, осуществляющиеся под ярлыком культуры отмены, генерируют пока больше шума и страстей, нежели проливают свет на обсуждаемые явления. В связи с этим в университетских кругах возникает беспокойство по поводу того, что из обоснованной критики поведения, воспринимаемого как оскорбительное, культура отмены может превратиться в волну, подрывающую терпимость к инакомыслию, душашую свободу слова и насаждающую ортодоксальное мышление. Справедливости ради надо отметить, пишет П. Норрис, что, несмотря на активное обсуждение подобной опасности среди профессоров и студентов, пока продемонстрировано крайне мало доказательств тому, что такое явление действительно существует.

В своем исследовании П. Норрис опирается на классическую теорию «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман², которая объясняет, как «работает» межличностная коммуни-

¹ Norris P. (2021) Cancel Culture: Myth or Reality? *Political Studies*. First published online: August 11. <https://doi.org/10.1177/00323217211037023>.

² Noelle-Neumann E. (1974) The Spiral of Silence: A Theory of Public Opinion. *Journal of Communication*. Vol. 24. No. 2. P. 43—51. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>; Noelle-Neumann E. (1984) *The Spiral of Silence*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

кация внутри группы или местного сообщества, такого, например, как университетский кампус: голос большинства звучит громко и имеет тенденцию усиливаться, а голос меньшинства постепенно затихает из-за страха потери социального одобрения, статуса или власти. Давление, заставляющее придерживаться общепринятых представлений по весьма поляризованным вопросам, например расизма и сексизма, ожидаемо будет усиливаться там, где баланс мнений значительно смещен в какую-либо из сторон. Таким образом, применяя теорию Э. Ноэль-Нойман к современной академической жизни, П. Норрис делает вывод, что при выражении своего мнения в либеральных кампусах консервативно настроенные ученые с большой долей вероятности будут подвергать его самоцензуре, тогда как либерально настроенные — заявлять о своей позиции с уверенностью.

Что же касается социального контекста выражения мнения, то он, пишет П. Норрис, обусловлен доминирующей в обществе культурой. Таким образом, в методологическую рамку своего исследования она включает теорию модернизации Р. Инглхарта³, дополненную разработанным ими совместно тезисом об обратной культурной реакции (*cultural backlash*)⁴. Теория модернизации утверждает, что начиная с 1960-х годов в результате демографического процесса смены поколений в современных постиндустриальных обществах социально-политическое развитие осуществляется в направлении распространения либерализма. Этот тренд особенно заметен среди молодежи и в высокообразованных профессиональных группах и проявляется в вопросах, затрагивающих базовые ценности и политику социальной идентичности. Такое поступательное развитие спровоцировало в западных обществах обратную реакцию неприятия со стороны социальных консерваторов, представленных в основном старшими возрастными группами, вызванную их страхом потери статуса гегемона, электоральной власти и культурного доминирования. В то же время настроения в развивающихся обществах остаются в большей степени консервативными — высокая значимость религии, четкое разделение ролей на мужские и женские, фиксированная бинарность гендера и половой идентичности. Подключая к анализу третью теорию — конгруэнтности, П. Норрис говорит о том, что в таком социальном контексте ученые с либеральной позицией, вероятно, будут воздерживаться от открытого ее выражения под давлением господствующих консервативных норм и ценностей.

Все представленные выше тезисы П. Норрис подтверждает результатами анализа эмпирических данных, полученных в ходе кросс-национального исследования «Мир политической науки»⁵ (2019), в котором приняли участие 2 500 ученых-политологов из 100 стран.

Во-первых, она обнаружила, что политологи придерживаются преимущественно левых взглядов. Однако степень дисбаланса не стоит преувеличивать, поскольку большинство из них описывают свою идеологическую позицию в политическом спектре как

³ Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press; Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing and Reshaping the World*. New York, NY: Cambridge University Press.

⁴ Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash*. New York, NY: Cambridge University Press.

⁵ *World of Political Science, 2019 (WPS-19)*. Исследование проведено совместно Европейским консорциумом политических исследований (ECPR) и Международной ассоциацией политической науки (IPSA).

умеренно левую, а не как крайне-левую. В целом значительное меньшинство — около одной четвертой всех респондентов — идентифицируют себя как умеренно правых. Преобладание левых взглядов в группе политических ученых сильнее выражено в США по сравнению со всеми остальными странами.

Однако, рассуждает П. Норрис, устойчивый дисбаланс идеологических предпочтений в профессиональной группе сам по себе недостаточен, чтобы инициировать дебаты об эффекте гегемонии либеральных идей, проявляющемся в ограничении свободы академического самовыражения и интеллектуальной толерантности, а также в социальном давлении на тех, кто не разделяет прогрессивных ценностей. Действительно, смещение в сторону левой идеологической ориентации совсем не ново, оно фиксируется в опросах представителей академического сообщества на протяжении последних десятилетий.

Для того чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, в своем исследовании П. Норрис представляет обобщающий Индекс культуры отмены, отражающий индивидуальный опыт (или его отсутствие) нарастающих ограничений академической свободы слова, принуждения к идеологическому конформизму и соблюдению принципов политкорректности в речи в последние несколько лет.

Результаты регрессионного анализа (OLS) подтвердили значимость влияния фактора самоидентификации по шкале левой-правой идеологической принадлежности, устойчиво предсказывающего показатели Индекса культуры отмены, при контроле переменных возраста и пола, которые ожидаемо могут влиять на приверженность тем или иным социальным ценностям.

Наиболее важным в контексте теории конгруэнтности, подчеркивает П. Норрис, оказывается вывод о направлении этого влияния, которое различается в зависимости от типа сравниваемых обществ. Результаты регрессионного моделирования показывают, что в США, как и в двух десятках других постиндустриальных обществ, политические ученые, идентифицирующие себя как приверженцев правых идеологических взглядов, склонны заявлять о своем опыте столкновения с нарастающим влиянием культуры отмены на жизнь академического сообщества. Наоборот, среди тех, кто работает в университетах и колледжах 78 принявших участие в исследовании развивающихся стран, где преобладают консервативные традиции, в роли испытывающих давление культуры отмены оказывались ученые, идентифицирующие себя как придерживающиеся левых взглядов.

П. Норрис делает вывод, что результаты эмпирического исследования подтверждают использованные ею идеи теорий конгруэнтности и «спирали молчания», а также разработанную ею совместно с Р. Инглхартом идею об обратной культурной реакции. Из страха социальной изоляции или потери статуса ученые могут не решаться выражать свое истинное мнение по сенситивным вопросам, таким как сексизм или расизм, если оно отличается от моральных стандартов, разделяемых большинством академического сообщества. Чем больше индивиды чувствуют, что их мнение отражает настроения большинства и соответствует принятым внутри их группы моральным нормам, тем больше у них желания озвучить свою позицию в групповом дискурсе, не опасаясь при этом наказания в виде социальных санкций или потери карьерных перспектив.

Дезагрегируя Индекс на составляющие его индикаторы, П. Норрис обнаруживает интересную закономерность. Либерально-ориентированные сотрудники университетов с большей вероятностью, чем те, кто разделяет правые взгляды, выражают уверенность в том, что в последние годы не произошло никаких негативных сдвигов в отношении возможности открытых академических дебатов, а также усиления давления по поводу необходимости быть политически корректным, а если такие изменения и произошли, то они минимальны. При этом П. Норрис отмечает, что, учитывая распространенность прогрессивных либеральных ценностей в университетских кампусах, ученые, придерживающиеся левых идеологических позиций, могут просто не знать о соответствующем опыте своих более консервативных коллег и поэтому отрицать наличие проблемы. Помимо этого, существующая (например, по вопросам политики идентичности) глубокая поляризация может делать ученых нечуткими в отношении подобных заявлений.

Наконец, еще одним важным для академии результатом анализа данных, на который обращает внимание П. Норрис, оказывается обнаруженный среди ученых-политологов широкий консенсус по вопросу ощущаемого ими уменьшения свобод в области преподавания и исследований, что может отражать как идеологические сдвиги, так и более широкие структурные изменения, происходящие в системе высшего образования в последние годы.

Подводя итог, П. Норрис подчеркивает, что не разделяет популярное мнение о том, что термин «культура отмены» используется в медиа и политическом дискурсе лишь для мобилизации групп поддержки в продолжающихся культурных войнах. Вместо этого, говорит она, разумно было бы применить научный подход к изучению позиций сторон для того, чтобы понять глубинные причины, лежащие в основе разворачивающихся дебатов.

Подготовлено О. Якимовой

ГЛЕБ КУЗНЕЦОВ

руководитель
Экспертного совета ЭИСИ

МАРИНА СТУПКО

магистр гендерных исследований (Центрально-Европейский университет, Вена), специалист Департамента стратегических исследований и прогнозирования ЭИСИ

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Канселинг, или культура отмены (cancel culture), представляет собой форму общественного бойкота, при котором человек или группа людей исключается из социальных и профессиональных кругов в качестве порицания действий или высказываний. Круг лиц, на которых может распространяться «отмена», практически не ограничен: под ее действие могут подпадать как любое частное лицо, так и организации или бренды, а также общественные движения и целые страны. В последнем случае подобный вид психологического воздействия часто становится дополнением к санкционным мерам, направленным на ослабление экономики и дестабилизацию политического режима.

Термин «отмена» вошел в употребление в афроамериканских сообществах в 1990-е годы, распространившись за его пределы в 2010-е с началом кампании #MeToo, и приобрел всеобщую узнаваемость и популярность в период активности движения Black Lives Matter. Однако понимание культуры отмены как нового явления, продукта трансформации общества в течение последних десятилетий говорит о недооценке ее укорененности в истории человечества. Традиции, включающие в себя бойкот отдельных членов общества или организаций, прослеживаются на протяжении нескольких тысяч лет. Так, многие религии предусматривали возможность отлучения от церкви и участия в делах общины за ересь и вероотступничество, при этом наказание могло включать в себя одновременное лишение гражданских прав: запрет занимать высокие должности или наниматься на любую работу, заключать от своего имени договоры, вступать в брак, а его последствия могли распространяться на детей отлученного. От современного канселинга это отличается главенствующей ролью институтов или наиболее значимых деятелей: даже демократические механизмы, такие как процедура ostracism в Древних Афинах, в ходе которой путем народного голосования решался вопрос об изгнании того или иного политика, были институционализированы и отражали особенности политической системы.

Тем не менее рядовые члены общества могли играть большую или меньшую роль, в зависимости от обычаев, принятых в конкретной местности. В пуританских общинах США и Англии, залогом выживания которых считалось «очищение» от грешников, «верные» самостоятельно определяли, кто является ведьмой или колдуном, а суды, определявшие меру наказания вплоть до смертной казни, состояли из выходцев из местных жителей, в то время как в континентальной Европе охота на ведьм велась усилиями институтов, таких как церковь и государство. Позже эти различия предопределили разницу в восприятии культуры отмены: население США и Великобритании в среднем более чувствительно к ней, чем **население** Франции или Испании.

Развитие технологий, облегчавших передачу информации, упростило консолидацию общественного мнения. Когда в 1966 г. Джон Леннон заявил, что The Beatles «более популярны, чем Иисус», это привело к массовым акциям протеста среди христиан, публичному сожжению пластинок группы и отказу многих радиостанций от использования их песен в эфире. Новые технологии и глобализация предоставили возможности для репрезентации в информационном поле даже ранее подавлявшихся и маргинализированных социальных групп, не имевших четко определенного лидера и прямого влияния на политику. Объединяющими факторами стали общая цель, доступный инструментарий и логика его применения. Массовость этого объединения обусловила сохранение ключевой черты культуры отмены — ее многоаспектности и тотальности.

Воспроизведение механизма культуры отмены при различных обстоятельствах позволяет выделить несколько характерных для нее этапов. Первый — консолидация общественной поддержки (митинги, активизация протестов в интернете), демонстрирующая общность и массовость протестной группы как ее участникам, так и носителям принципов, против которых она выступает. Далее в этой среде определяется нарратив-стандарт, обычно это уже существующая общепринятая норма, нарушения которой до определенного момента не рассматривались как основание для привлечения к ответственности. Последнее правило имеет ряд исключений, когда протестная группа формирует новые нормы — так, например, произошло в случае трансгендерного сообщества, отстаивающего идею недопустимости обращения к человеку, «родившемуся не в своем теле», в зависимости от его биологического пола.

На следующем этапе этот нарратив выходит в общее информационное пространство, после чего самоорганизуется протестное движение: формируется круг активистов, занимающихся консолидацией усилий и не позволяющих ему полностью пропасть из поля зрения общественности. В дальнейшем определяются конкретные объекты отмены — «конструируется враг»: носители идеологий или позиций, против которых направлен протест. Как правило, несмотря на их многочисленность, группа концентрируется на «отмене» нескольких наиболее заметных представителей, так как действия в их отношении привлекают всеобщее внимание и таким образом способствуют трансформации социальных норм. На объект оказывается воздействие посредством всех доступных механизмов (требования покинуть должность, отказ от использования интеллектуальной собственности «отменяемого», в том числе книг, песен и фильмов, призывы лишить его авторских прав), нагнетается напряжение вокруг выбранного лица, которое призывается к совершению определенных действий: отставке, принесению извинений и т. д.

Одновременно это служит демонстрацией общественных настроений для всех, кто разделяет идеологию, подвергнувшуюся отмене. Полученные результаты подкрепляют уверенность протестной группы в своей правоте и наличии у нее массовой поддержки социума, в результате отмена людей или компаний по данному поводу происходит все чаще и по менее значительным поводам, что создает атмосферу цензуры и самоцензуры, все сильнее трансформируя рамки допустимого и привлекая на сторону протестной группы все больше последователей.

Первым массовым подобным случаем, который привел к переформатированию многих социальных взаимодействий, стало движение #MeToo, широко использовавшее приемы культуры отмены. Следствием действий активистов стало то, что многие известные деятели политики и искусства лишились должностей, их произведения изымались из продажи, а сцены с участием актеров вырезали из фильмов. Еще более явно культура отмены проявилась в ходе протестов движения Black Lives Matter. Многие известные люди (например, поддержавшие лозунг «All Lives Matter», признанный расистским из-за «размывания значимости трагедии афроамериканцев») подверглись ожесточенной критике.

BLM продемонстрировал еще более масштабное использование культуры отмены, чем #MeToo, которая затронула не только живых людей, но и исторических деятелей, также подвергшихся «стиранию». Одним из направлений деятельности активистов стал массовый снос памятников людям, вовлеченных в рабовладение и работорговлю, а также геноцид коренного населения. Всего в результате этой кампании было снесено несколько сотен мемориалов, в числе которых были памятники Томасу Джефферсону, Джорджу Вашингтону и Христофору Колумбу. Протесты движения BLM привели к тому, что многие учебные заведения, медучреждения, улицы, зоны отдыха и даже продукты питания были переименованы в соответствии с новыми стандартами: из их названий были изъяты имена тех, кто использовал труд рабов или был уличен в «неэтичности» взглядов.

Как и любой механизм влияния на общественное мнение, культура отмены не могла оставаться внеполитическим явлением. Она служит эффективным инструментом в руках политиков как на национальном, так и на международном уровне. Отмена позволяет воздействовать на политических противников, оказывая на них давление и формируя границы допустимого, при пересечении которых оппонент признается нарушителем норм этики (собственные промахи стороны, применяющей приемы отмены, при этом замалчиваются). Кроме того, она используется в качестве средства прямой дискредитации политических конкурентов, освобождения желаемых должностей и подавления несогласных, а также для привлечения финансовой поддержки и консолидации протестных групп вокруг инициаторов отмены.

Как механизм политического влияния культура отмены не может рассматриваться с позиции морали как «инициатива неравнодушных» или «способ разрушения традиционного общества». Она представляет собой набор инструментов и технологий управления в общественно-политической сфере, использующий преимущества современного развития информационной цивилизации. Канселинг является квазистихийной «партизанской» кампанией, при которой стремление нанести ущерб первично

по отношению к одобрению извне или экономическим выгодам для рядовых участников. Основным стимулом становится чувство общности и сознания собственной правоты в кругу протестной группы.

В условиях, когда канселинг поддерживается не только обществом, но и правительством на национальном уровне либо группой государств на международном, тотальность отмены обеспечивается централизацией управления и обширными экономическими ресурсами. В этом случае его действие направлено на прекращение существования объекта либо его полную изоляцию от внешних контактов.

На примере текущего положения России в системе международных отношений можно выделить целый ряд аспектов, задействованных для реализации этой цели.

- *Политический канселинг*, который включает в себя высылку послов, объявление дипломатов персонами нон грата, исключение России из международных организаций или создание стимулов для ее самостоятельного выхода и т. д.
- *Экономический канселинг*, выражающийся в том числе в отключении России от SWIFT, прекращении поддержки Visa и MasterCard российских банков, отказе от импорта российских товаров, включая энергоносители, в уходе с рынка многих иностранных компаний.
- *Культурный канселинг*, подразумевающий отмену российских концертов и спектаклей, удаление музыки с иностранных сервисов, разрыв контракта с деятелями искусства, имеющими российские корни.
- *Спортивный канселинг*, в результате которого российские спортсмены оказались отстраненными от международных соревнований и подверглись давлению со стороны западного общества, настаивающего на их отказе от российского гражданства.

Еще один эффективный способ влияния в подобных случаях — введение вторичных санкций, которые накладывают ограничения на страны, вовлеченные в экономическое и политическое взаимодействие с «отменяемыми» государствами. Как следствие, третьи стороны, не пожелавшие присоединиться к общему нарративу в отношении объекта отмены, сами попадают в положение изгоев, подвергаются риску отмены.

Таким образом, канселинг нацелен на лишение отменяемого лица любой субъектности, включая экономическую и политическую, и выводит его из сферы равноправных отношений, что обуславливает его уязвимое и зависимое положение, при котором отстаивать свою позицию становится крайне затруднительно.

Однако группы, практикующие канселинг, также одновременно уязвимы по отношению ко многим механизмам психологической борьбы. Кроме того, попытки отмены зачастую усиливают поддержку подвергнувшихся отмене лиц со стороны части общества, не поддерживающей идеи протестной группы.

Здесь важно осознавать, что даже капитуляция и полное «признание вины» не приводят к снижению ожесточенности сторонников отмены, поскольку воспринимаются как дополнительное подтверждение их правоты (что мы наблюдаем в кейсах Овсянниковой или Нетребко).

Одним из наиболее действенных методов противостояния канселингу может стать вскрытие принципов работы отмены, ее внутренних механизмов, бенефициаров и их собственных пороков, которые способны вызвать возмущение у чувствительных к этому аудиторий. Другой прием — высмеивание с целью продемонстрировать аудитории нелепость и неприемлемость принятых мер. Также возможно использование юридического давления на местах, что особенно эффективно в странах, где культура отмены не пользуется широкой поддержкой: перевод ситуации в правовое поле позволяет отрезвиться от эмоционального воздействия, являющегося ключевым для культуры отмены, и перейти к рассмотрению фактов.

Еще один метод — контрканселинг, представляющий собой использование тех же инструментов в защиту пострадавших лиц, которые могут включать в себя, например, письма со стороны профессиональных или общественных объединений с давлением на институты. Однако основой борьбы с приемами канселинга служат консолидация и поиск союзников среди тех, кто не поддерживает бойкот данного лица, группы или государства, что переводит его из коммуникации между хозяевами положения и жертвой в межгрупповое противостояние.

Канселинг, стремящийся к тотальности охвата, недооценивает разнообразие интересов социальных групп и институтов, и даже формирование новых общественных норм не в состоянии обеспечить однородность восприятия тех или иных явлений. Это оставляет простор для противодействия через поддержание старых связей и создание новых, которые позволяют объекту отмены избежать изоляции. Но недооценка культуры отмены как механизма глобального влияния равным образом опасна: одной из ее характерных черт является стремительность переформатирования прежних устоев и отношений между группами на всех уровнях. Те, кто оказался не в состоянии приспособиться и обратить ее механизмы себе на пользу, рискуют быть «отмененными» и забытыми вместе с традициями, которые они воплощали.

СЕРОЕ ФИОЛЕТОВОЕ

публицист_ка, поэт_ка, перформер_ка

ОТМЕНА «ОТМЕНЫ»: БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ЭПОХУ СЛОВ СО ЗВЕЗДОЧКАМИ

Предупреждение: *Какими сложными словами или концепциями мы бы ни играли, какое бы противостояние идей ни изучали, все мы, вне зависимости от наших взглядов и позиций, обсуждая нынешнюю ситуацию, должны непрерывно соотносить себя с ее прямыми, чувственными и телесными эффектами: с экстремальной болью, нехваткой самых базовых вещей, психологической травмой и страданием, страхом и скорбью. Только держа все это непрерывно в поле ума и чувства, мы можем претендовать на адекватность восприятия происходящего.*

О культуре отмены

Если мы говорим о социальной культуре отмены, то имеем в виду ситуацию, при которой люди начинают массово отказываться институционально или лично взаимодействовать с некоторой персоной, действия и/или высказывания которой им кажутся неприемлемыми. Отмену еще можно понимать как ситуацию контроля над некоторыми символическими и финансовыми потоками. Культура отмены успешна, когда символический капитал отменяющих больше символического капитала отменяемого. В таком случае если отменяемая персона является частью некоего сформировавшегося канона, то она из него вытесняется или исчезает в той или иной степени. Был человек «своим», частью ин-группы, стал «чужаком», представителем исключаемой аут-группы.

В этом смысле культура отмены как часть эмансипаторной повестки — это проявление силы, конкуренций символической репрезентации чего-либо в публичном пространстве. Когда гей-прайд и проявления христианского консервативного фундаментализма не уживаются рядом в публичном пространстве — это ситуация такой символической конкуренции. Это противостояние, которое часто перехватывается представителями элит, а они используют его для собственных повесток и для политических целей. Тот, кто оказывается более представленным в публичном поле, тот и обладает символической властью.

Отмена — это не акт выступления за универсальные ценности, а борьба за распределение власти между группами с разными идентичностями и ценностями. Раньше отменяли

геев или транс-людей, их просто исключали аутигом, транс-люди «автоматически» исключались при переходе. Сегодня отменяют людей, обвиненных в насилии, некоторые типы которого в прошлом считались относительно допустимыми и связанными с доминирующей гендерной асимметрией. Еще какое-то время назад все цитировали только исследователей, бывших белыми мужчинами. А сегодня, в том числе и благодаря культуре отмены, можно переписать канон, в том числе для того, чтобы было больше представлено людей с разными идентичностями.

Если мы думаем, что существует вечный централизованный культурный канон, если накопленный символический капитал — вечен, то для нас такое его размытие катастрофично. Но если мы представим, что ничего вечного и инвариантного нет, что все текуче и может быть децентрализовано, то ситуация оказывается не столь страшной. В таком случае любой статус кажется просто преходящим и валидным только для некоторой части общества.

Пик дискуссий о культуре отмены случился несколько лет назад. Сейчас это явление сильно инструментализировано всеми сторонами любых обсуждений. В итоге под этим словосочетанием понимают разные смыслы. Когда заговаривают об отмене русской культуры, не очень понятно, о чем именно идет речь.

Да, разрываются институциональные связи с институтами Российской Федерации. Да, зачастую от людей требуют выражения очень конкретного мнения по поводу происходящего на территории Украины. Разрываются какие-то отдельные контракты или прекращается участие россиян в крупных мероприятиях. Иногда эти «отмены» принимают уж совсем дикие формы: например, запрет на участие антивоенно настроенных российских теннисистов в Уимблдоне, отмена концертов Курентзиса в пользу украинских беженцев, отказ от показа в Каннах чеченской феминистской кинокартины или исключение российских организаций коренных народов из международных федераций.

Но сказать, что есть какая-то отмена русской культуры как целого, сложно. Скорее, мы имеем дело с более или менее разумными с точки зрения заявленных целей или совершенно идиотскими с любой точки зрения жестами — которые могут складываться в некую мозаику, но крайне далеки от тотальности.

К реальной отмене, наверное, призывают некоторые деятели украинской культурной сферы и украинское государство, но они полагают себя находящимися на позиции сражающихся субалтернов и потому считают себя вправе призывать к чему угодно. Забавно, что такую же риторику колонизации и исключения использовали сторонники Донбасса по отношению к Украине, а сегодня Россия — по отношению к Западу. Возникает такая уходящая в глубины матрешка риторики жертвы. Политическая позиция сегодня — это расположение себя на одном из слоев этой матрешки.

Другой более интересный феномен — это происходящее в прогрессивном левом лагере деятелей русской культуры. Например, в современном искусстве, современной поэзии стали часто возникать призывы к самоотмене. Но если копнуть глубже, речь, конечно, идет о пересмотре позиции русской культуры как имперской, доминирующей по отношению к другим сообществам, к другим, подавляемым ранее культурам — Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии, в меньшей степени рефлексировалось положение меньшинств внутри РФ. Левыми предлагается некий сдвиг перспективы, пере-

писывание канона, согласно которому русская культура всегда занимает центральную позицию, и рефлексия того, какие черты русской культуры привели к тому, что, по их мнению, является милитаристским реваншизмом и ирредентизмом. Ведь политические последствия, которые мы сейчас можем наблюдать, это, с их точки зрения, не просто решения конкретного человека, это, конечно, следствие широкого комплекса идей величия, «особого пути», отрицания существования других идентичностей. Впрочем, эта дискуссия зачастую превращается в сеансы истерического самоуничижения, в развитие комплекса ничтожности — который, в общем-то, ничем не отличается от идеи национального превосходства (просто взятой со знаком «минус»). В этой дискуссии очень мало говорится о близких феноменах — истории западного колониализма, бесконечных теориях исключительности, присущих в прошлом едва ли не каждой нации и по сей день влияющих на культуру и политику.

Еще одна проблема — это судьба транснациональных проектов. Взаимодействие с украинской поэзией и — шире — культурой, было одним из важнейших элементов современной левой поэзии. Теперь сотрудничество прервано. Поэтому важнейший поэтический сайт «Грёза» сегодня закрыт, как и премия Аркадия Драгомощенко. Похожие — и куда более масштабные — процессы происходят в театре, академической музыке, визуальном искусстве. Большое искусство транснационально и очень страдает от разрывов контактов.

Апроприация властью понятия «культура отмены»

Понятие «культура отмены» фигурирует в словаре официальной власти. С его помощью представители истеблишмента хотят достичь некой консолидации общества — защитить от отмены нашу культуру. С другой стороны, страны Запада действительно производят множество действий, коллективно направленных на всех жителей Российской Федерации и Республики Беларусь. И это гораздо более масштабные действия, чем «отмена», тот же отказ от исполнения Чайковского. Это запрет на финансовые транзакции, уход компаний с рынка, отказ в обслуживании огромного числа сервисов для россиян и белорусов, то есть политические и корпоративные санкции.

Есть две позиции отношения к этим мерам. Одна такая: санкции нужны для экономического подавления России. При этом в текущем виде они, к примеру, не подталкивают людей к эмиграции, а заставляют оставаться и платить налоги в РФ — отъезд очень затруднен. Вторая позиция такова: санкции должны вдохновить граждан на объединение и протест. Может быть, в очень долгосрочной перспективе такое подталкивание и может работать, но в краткосрочной перспективе оно провально. Более того, колеблющиеся люди теперь не хотят примыкать к пацифистскому движению. И не только потому, что независимые СМИ заблокированы или введены наказания за «фейки» и «дискредитацию вооруженных сил». А потому что они видят ограничения своих возможностей, созданные извне, государство же удачно использует мемы, распространенные формулы, появившиеся некоторое время назад в публичном пространстве.

Так, оказалось удобно апроприировать понятие «отмена»: оно навеивает мрачные тоталитарные ассоциации, «взять — и отменить!». Конечно, такая апроприация — чистая манипуляция. Ту же самую Джоан Роулинг никто в Великобритании на самом деле не отменял. Ее трансфобный роман продолжает выходить огромными тиражами, она

выступает в медиа, просто некоторые люди отказались с ней сотрудничать. Но эти страшные ассоциации удобно использовать.

Кроме того, государство пытается копировать западные практики отмены, но в централизованном варианте. Например, постоянно «отменяя» тех или иных деятелей по идеологическим основаниям. Так, только что была отменена знаковая выставка Гриши Брускина в Третьяковской галерее (ситуацию, правда, уже пытаются откатить назад, объявив почему-то, что дело в американском паспорте художника), а кампания против «Большой матери» Олега Кулика привела и к возбуждению уголовного дела, и к попытке изобретения новых законов, был отложен прокат нового русского блокбастера «Ампир V», снятого по роману Виктора Пелевина «Empire V» — ведь там играл оппозиционный рэпер Oxxxymiron, закрыт Центр имени Мейерхольда. По своей природе это ближе не к культуре отмены, а к антикоммунистическим кампаниям времен маккартизма. Эта кампания очень активно идет уже больше года — с митингов в поддержку Алексея Навального.

С другой стороны, с «отменой» в виде общественной реакции мало что можно сделать: с миллионом тех, кто жаждет тебя «отменить», договориться сложно. А вот с одним чиновником иногда, может быть, проще решить вопросы. Зато память активистов коротка — и, возможно, как шум уляжется, так и «общественная отмена» сама собой пройдет.

О продуктивности санкций как «отмены»

Вообще санкции, нацеленные на разрушение экономической системы государства и минимизацию возможностей ведения высокотехнологической войны, — это невооруженный метод давления. Еще санкции — это вариант активистского протеста против происходящего. Здесь можно вспомнить самую длительную и при этом малоуспешную кампанию по санкциям против Израиля, которая получила название «Boycott, Divestment and Sanctions». В рамках этой кампании активисты добились того, что какие-то сети магазинов не продают товары, произведенные в израильских поселениях на территории Западного берега, вроде бы и все.

Отношения между санкциями как легальным, поддержанным властями «первого мира» механизмом и активистскими кампаниями можно метафорически описать мемом The Current Thing. То активисты борются против сионизма, то за Black Lives Matter, теперь возникла тема России — Украины. Во многих случаях они Украину разве что с грехом пополам на карте найдут. Но поскольку уже создана красивая медийная картинка страданий, происходящих на территории Европы и модный активизм отлично коррелирует с политической повесткой, то бойкоты и прочие «отмены» работают очень успешно. В этом их принципиальные отличия от санкций чисто государственных. Раньше никаких активистов государственные санкции (вроде санкций против Ирана) не интересовали или они противостояли санкциям как проявлению империалистической политики. А теперь объединенные усилия государств и давящих на бизнесы активистов дают кумулятивный эффект. При этом, как кажется, внимание западных активистов уже начинает ослабевать и доминируют все новые и новые государственные меры бойкота.

Почему санкции выглядят так, как выглядят (и часто бьют по незащищенным группам)? Потому что люди с англосаксонским бэкграундом зачастую не вполне понимают, что

такое государства без устойчивой традиции демократического управления. Да, они осознают, что на выборах бывают мелкие подтасовки. Но они не оценивают адекватно, например, уровень политической неактивности и атомизации российских граждан. Между тем Россия по уровню политической неактивности опережает даже страны с очевидными диктатурами или массовыми репрессиями. Совершенно очевидно, что российских оппозиционеров репрессируют в тысячу раз меньше, чем иранских или турецких. А реальная оппозиция в Иране или в Турции во столько же раз сильнее. В Турции она может победить на выборах мэра столицы. При этом российское общество в силу атомизации и массы других причин готово подчиняться государству в политических вопросах без каких-либо реальных массовых репрессий. Достаточно пригрозить штрафом массам и возбудить уголовные дела против нескольких произвольных людей. Это же атомизированное общество отличает уверенность в себе как в символическом коллективе и, как следствие, уверенность, что русских, таких особенных, всюду притесняют.

На какие последствия рассчитаны санкции? Если кто-то мыслит в долгосрочной перспективе и полагает, что лет через 15 в России, как в 1970-е в СССР, будут мечтать о джинсах, возникнет коррупция элит, которые захотят сменить власть ради доступа к потребительским благам, то придется этого кого-то разочаровать. Джинсы отшиваются в Китае, а Китай весьма амбивалентно относится к санкциям в отношении России. Однако в отношении технологий в перспективе десятилетий, может быть, санкции и сработают, но уже сейчас корпорации, ушедшие в рамках волны активистского протеста, ищут пути восстановления логистики. Много зависит от распределения экономического и технологического потенциала в мире, от того, насколько тотально будет влияние Запада, и так просевшее за 25—30 лет.

О публичной позиции «интеллектуалов»

Публичные интеллектуалы, производящие сейчас процедуры самоотмены, рассматривают себя как носителей высокой просветительской миссии, определенных гуманистических ценностей, обладающих правом исключать тех, кто под эти ценности не подходит.

Но тут бывают интересные сломы. Недавно в Facebook проходило обсуждение поэта Ростислава Амелина, который внезапно начал поддерживать спецоперацию. И тут Дмитрий Кузьмин немедленно заявил, что молодое поколение русской поэзии претерпело утрату. В той же дискуссии Денис Ларионов обсуждает свою диссертацию о писателе Евгении Харитонове, бывшим открытым (насколько это было возможно в СССР) геем и консерватором, любившим философа Леонтьева. Вроде бы он даже тусовался с какими-то позднесоветскими националистами. Обсуждается вопрос: как же мы теперь должны отмывать гей-писателя Харитонова от его ужасных консервативных взглядов?!

Получается, что интеллектуалы руководствуются позицией морализаторства, выполняют цензурные функции, принуждают к гуманизму. А еще — демонстрируют как будто интенсифицированную чувствительность, которая, кстати, культивировалась в последние годы не только в российском пространстве и которая тесно связана со стремлением говорить и мыслить, например, о насилии. Правда, говорится только о насилии в отно-

шении «близких» — потому что годами насилие в отношении как будто более «далеких» (людей с Кавказа, из Африки, сирийцев) воспринималось и воспринимается куда менее драматично. Сообщения СМИ, в которых российские советники и ЧВК обвинялись в убийствах в Мали, привлекли куда меньше внимания, чем аналогичные сообщения из Киевской области. Хотя выдвинутые обвинения сравнимы в том числе и по масштабу.

Можно посмотреть на конкретику. Я не хочу никого обвинять в лицемерии, но сфера современного искусства сильно завязана на международные рынки. Поэтому выражение «повесточного» мнения может быть важно. Скажем, будут ли сотрудничать с группой AES+F, бывшей глашатаем российского олигархата, если она не выскажет жесткую проукраинскую позицию? А людям же надо зарабатывать деньги, значит, находиться институционально на Западе сейчас выгоднее. Свою позицию они заявили отнюдь не сразу, не тогда, когда эмоции кипели максимально, — а лишь тогда, когда определилась расстановка сил. С поэзией все несколько сложнее. В мире поэзии нет таких денег, но работают другие важные факторы: моральные, факторы культивирования тусовочности. Можно посмотреть и на академическое сообщество. Например, Филдсовский лауреат Станислав Смирнов, который руководит факультетом СПбГУ и был организатором запланированного, но перенесенного теперь в онлайн Международного конгресса математиков в Санкт-Петербурге, [написал](#) на западную аудиторию по-английски в Twitter протестное заявление, а на русском языке аналогичное заявление в свободном доступе не появилось. Конечно, он отвечает и за российские, и за западные проекты, считает их приоритетными по отношению к диссенту — поэтому ему приходится политически балансировать.

Так что любые высказывания — это вопрос некоторого торга. И он понятен: у людей есть разные обязательства в разных сообществах. И очень сложно не реагировать эмоционально на происходящее, очень тяжело вообще взаимодействовать с миром. Невозможно отслеживать новости про Бучу, тяжело слушать интервью руководителя Грузинского национального легиона Тимуру Олевскому, где тот [рассказывает](#), что отдал приказ не брать российских солдат в плен и публикует ролики с убийствами раненых. Или, наоборот, новости Russia Today и заявление начальника Национального центра управления обороной России генерал-полковника Мизинцева о [ликвидации](#) 93 украинских дезертиров в Мариуполе.

О публичной ненависти и о том, какую сторону выбрать

Есть еще позиция, что «русские» сейчас не имеют права на высказывания. Тем более что у них нет свободы слова. Между тем закон о военной цензуре в Украине сейчас, может быть, даже более жесткий, чем российский. В России некоторые оппозиционные партии вроде «Яблока» все же еще продолжают действовать, тогда как в Украине деятельность крупнейших оппозиционных организаций приостановлена. И многие пророссийские высказывания криминализированы еще со времени принятия декоммунизационного пакета законов (речь идет не только о небольших денежных штрафах). В Украине есть свобода слова для выражения разных типов проукраинских взглядов, но и в России свобода слова есть для Игоря Стрелкова, для ColonelCassad и для других людей, которые жестко критикуют текущую ситуацию, при этом находясь на радикально патриотических позициях. А вот символ Z сейчас в ряде стран активно пытаются запретить (в Германии

уже возбуждено более ста уголовных дел!), что очень похоже на существующие в России запреты определенных символов и действий с ними.

То есть ситуация со свободой высказывания действительно асимметрична, но не такова, как ее часто рисуют. На сегодня, к сожалению, нигде не существует универсальной свободы слова. Особенно учитывая, что уже пару лет, со времени распространения COVID-19, везде ведется показная борьба с инфодемией, фейками. А фейком часто называют не доказуемо ложные высказывания, а любые утверждения, не согласующиеся с требуемой картиной мира. Каждая из сторон объявляет утверждения противоположной — ложью. Я не утверждаю, что никакой истины не существует, она существует — но свобода слова не может состоять лишь в высказывании истинных утверждений. Да и верификация «истинных фактов» очень часто имеет тот или иной, незаметный для самих — даже вполне добросовестных — верификаторов политический уклон.

В публичном поле, конечно, наблюдается ожесточение — ведь оно связано с материальным. Я, например, читаю киевских активистов, с которыми было знакомо когда-то, и они пишут, что россияне должныдохнуть от голода из-за санкций. Люди, которые обороняются, начинают ненавидеть, это естественно. И рассказывать им, что нет, знаете, мы и хорошими бываем, — это глупость и неуважение к их ситуации. Возможно, потом будет организована политика примирения. Но сейчас невозможно представить, что будет дальше. Все текущие либеральные и левые разговоры на этот счет исходят из определенных предпосылок об исходе кампании, подразумевающих возможность возвращения «новой нормальности», в некотором понимании восходящем к миру после холодной войны. Но что если политика России не изменится и Украина будет «денацифицирована» согласно изначальным целям? А если Россия под санкциями превратится в аналог Ирана или Северной Кореи? Или напротив — вообразим сценарий, в котором Россия полностью распадется, причем станет не союзом небольших стран, а ядерным failed state, источником крайней глобальной нестабильности, которую мы сейчас не можем представить? А может, Россия вместе с Китаем выстоят в мировой войне против Запада и создастся новая архитектура глобального доминирования? Или Запад вдруг смирится с происходящим — например, на фоне победы правопопулистских лидеров на выборах в ключевых странах? Можно и нужно помогать страдающим, но радость и коллективная благодарность — не то, чего разумно ожидать. Не стоит надеяться, что ожесточение скоро пройдет.

Тем более что оно определяется экстраординарностью ситуации. Фактически впервые мы можем слышать людей «с той стороны», с которыми мы вообще-то знакомы, общаемся много лет. Немалая часть редакции, в которой я работаю, была в Украине в начале событий. Люди в реальном времени слышат друг друга (с жителями Алеппо, например, такой опыт был бы невозможен), и, поскольку затронуты в основном русскоязычные регионы, это такой уровень связности, что мы видим некое подобие ситуации гражданской войны, хотя это и не она. Более того, по заявлениям украинских ресурсов, некоторыми важнейшими российскими операциями на территории Украины руководят военные, родившиеся и выросшие в Украине. Неизвестно, так ли это на самом деле, но это говорит о том, что украинская пропаганда оказывается не в состоянии представить вторжение россиян как чужих. Не говоря уже о том, что Владимир Зеленский — персонаж российского шоу-бизнеса, а Алексей Арестович — и вовсе бывший соратник

Александра Дугина, которого на Западе почему-то часто считают «идеологом Кремля». Может, что-то похожее было в балканских войнах, но все-таки там этнические границы были куда более четкие.

На обиду и злость накладываются традиционная украинская русофобия и русская украинофобия. Словосочетания «бандеровцы», «каклы», «хохлы жадные» и «москали», «кацапы», «татаро-мордовские свинособаки» придумали не вчера. Всю эту риторику мы слышим десятилетиями с обеих сторон, но она оказалась легитимирована, причем даже не сегодня, а с 2014 года. Сейчас она только множится.

Еще интересно, что наблюдаемый жестокий разрыв, на мой взгляд, сложился внутри изначально русскоязычной России и русскоязычной части Украины, для многих жителей которой украинский язык — это политический выбор. Любопытно, что одна из самых известных гендерных исследовательниц, Ирина Жеребкина, находясь сейчас в Харькове и его окрестностях, ведет публичный дневник о происходящем на русском языке. Коренных западноукраинцев я во всей этой дискуссии, честно говоря, особенно не вижу — кроме публичных, заметных и в России фигур типа Святослава Вакарчука. Возможно, для них это противостояние носит какой-то иной характер.

И все это происходит в контексте старой традиции, при которой все украинское (за исключением западноукраинского) невидимо в русской культуре как самостоятельное, но фигурирует как часть традиционной сельской культуры, находящейся в скрытой оппозиции советскому индустриальному обществу. И в контексте противостояния имперского исторического нарратива, в котором Украину якобы создал Ленин, и нарратива национального — в котором, например, таможи между Российской империей и Украиной были отменены в середине XVIII века, а современная версия украинского литературного языка создавалась в Харьковском университете пушкинских времен. Ну, и, естественно, в контексте традиции национально-освободительного или националистического движения — смотря с какой стороны посмотреть, «проукраинской» или «пророссийской».

В любом противостоянии есть много сторон, и вопрос, какую выбрать морально, далеко не всегда позволяет ограничиться только актуальными контекстами. Если мы посмотрим на события 2014 года, то увидим сходства с происходившим на этой же территории во время революции 1917 года. И тогда же был крымско-татарский Симферополь, в 1917 году в нем заседало правительство Милли фирка. И был полностью рабоче-солдатский Севастополь, который во время революции стал центром движения, поддержанного большевиками. И было противостояние между этими силами, в ходе которого был убит один из лидеров Милли фирка. Возьмем историю Гражданской войны. С одной стороны действовали правительства Владимира Винниченко и Симона Петлюры (Директория Украинской народной республики), с другой стороны существовала Донецко-Криворожская советская республика. В ходе этих конфликтов XX—XXI столетий, как ни странно, возникали повторяющиеся паттерны, которые сводятся к противостоянию национальных, традиционных городских или аграрных сообществ с индустриальным (или военно-индустриальным) плавильным котлом. Интересно, конечно, что в XXI веке о «традиционных ценностях» в этом противостоянии со стороны «плавильного котла» говорят куда больше. Быть может, дело в болезненной попытке компенсировать реальную неукорененность?

Поэтому, когда мы говорим о моральности, мы часто рассуждаем не о личной позиции, а о традиции выбора той или иной моральности. Какой выбор мы как часть сообщества, группы (например, московской интеллигенции в n-ном поколении) считаем моральным? Как это соотносится с другими нашими политическими взглядами? Как это соотносится с теми историческими нарративами, в которых мы привыкли существовать — или, наоборот, которые привыкли подвергать сомнению? Какие ценности оказываются для нас важнее. Все это вопрос выбора, обусловленного в том числе и нашей средой и происхождением — или той средой, с которой мы бы хотели себя идентифицировать.

ХАНС ПЕТЕР БЕК

Ph.D., специалист по физике элементарных частиц
Бернского университета; CERN,
приглашенный ученый, Швейцария

ЗАПАД НЕ НЕНАВИДИТ РУССКИХ — ОДНОЗНАЧНО НЕТ!

*Личный взгляд и личный анализ отношений западного мира с Россией
за последние несколько десятилетий*

Я родился и вырос в нейтральной Швейцарии в середине 1960-х и смог прожить свое детство, не особенно беспокоясь о непосредственной угрозе добру или жизни. Однако тот период определялся немногими, но значимыми геополитическими угрозами.

Во-первых, войной во Вьетнаме, которую вели Соединенные Штаты Америки и которая вызвала много политических волнений и серьезных широкомасштабных протестов среди западного гражданского населения, что в конечном счете привело к прекращению войны. Демократия и свобода слова не предотвратили ее начало, но смогли положить ей конец.

Во-вторых, между Восточным и Западным блоками того времени шла холодная война и угроза глобальной ядерной всеуничтожающей войны была видимой, но на уровне абстрактного апокалипсиса, который, как надеялись, никогда не наступит, потому что ни одна из сторон не будет настолько самоубийственна, дабы участвовать в такой катастрофе. Таким образом, жизнь была хороша, и мало кто боялся возможного, но все же нереалистичного конца света.

Гонка вооружений между Восточным и Западным блоками вызвала общественные протесты против войны, против ракет и ядерных боеголовок, против тяжелых вооружений. В западных городах регулярно проходили небольшие, средние или крупномасштабные демонстрации или марши мира с призывами к разоружению и миру на Земле. Эти демонстрации были типично крупными мероприятиями, когда люди массово собирались вместе, пели песни о мире и слушали речи об опасностях, которые представляет вооруженный мир. Хотя я никогда не участвовал ни в одном из них, поскольку был совершенно аполитичен и больше интересовался юношеской и студенческой жизнью, это все же сформировало общее понимание того, что открытые и свободные демократии, которые торгуют и обмениваются, а не борются, — это путь вперед к тому, как все люди в мире должны существовать. Конечно, сегодня и даже тогда это можно было бы рассматривать как несбыточную мечту, но я все еще утверждаю, что сегодня это мечта, навстречу которой стоит идти.

В Швейцарии, где, вероятно, реализована самая прямая демократическая система в мире, в 1989 году было проведено всенародное голосование за упразднение вооруженных сил и обороны. Эта инициатива в конце концов потерпела неудачу, но все же получила почтительную поддержку 35,6 % избирателей. Швейцария всегда имела и до сих пор имеет армию для самообороны. Но с этим голосованием стало совершенно ясно, что военная мощь также должна подчиняться воле народа, и было инициировано множество реформ для модернизации старых и часто уже покрывшихся коркой структур швейцарской военной системы. Военная служба больше не является обязательной, и вместо нее можно присоединиться к альтернативной гражданской службе. У меня не было такой возможности в свое время: меня бы посадили в тюрьму, если бы я сопротивлялся призыву.

Тогда Горбачев был генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза. С его новой политикой гласности, обеспечивавшей расширение свободы слова и прессы, и перестройкой, направленной на децентрализацию принятия экономических решений для повышения эффективности Советского Союза, на Западе зародились огромные надежды. Наконец-то может закончиться холодная война, и мирное партнерство с открытым обменом товарами, культурой, мнениями и идеями станет возможным по всему миру.

Эти надежды стали доминирующими с падением Берлинской стены в 1989 году, которое было простимулировано массами людей, требовавшими демократии, свободы слова и свободы передвижения. Политический распад СССР в начале 1990-х воспринимался с большими надеждами. Это позволит сформировать новую, открытую и мирную систему. Было очевидно, что новый старт будет нелегким, что еще мешают существующие структуры коммунистического типа, что общая экономическая ситуация в России и во всех ее бывших республиках неблагоприятна, но все они обрели независимость и могут начать новую демократическую систему. Надежда на то, что единый мир, где свободные демократии разделяют общие цели и ценности, наконец станет возможным, была главенствующей, но, вероятно, наивной.

Также и государства — сателлиты бывшего Советского Союза: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, — увидели свой путь и превратились в более современные общества, которые в конце концов стали членами Европейского союза, а также вступили в НАТО.

Велись большие дискуссии о возможности принятия этих бывших государств-сателлитов в Европу и необходимости преодоления скептицизма. Наконец, люди из этих стран смогли свободно передвигаться и торговать по всей Европе, и реструктуризация их собственных обществ продвинулась вперед.

Бывшая Югославия, однако, к большому сожалению, пошла тогда по другому пути, который закончился сильными внутренними беспорядками между этническими группами, вызвавшими войну и распад Югославской Федерации. Европа не понимала, почему и что происходит, и была бессильна остановить эту войну. Дискуссии за столом переговоров срывались одна за другой, а геноцид и этнические чистки нанесли колоссальный ущерб, унесший жизни более 130 000 человек и породивший миллион беженцев. НАТО дважды вмешивалась, чтобы остановить войну и убийства. В 1995 г.

при поддержке Совета Безопасности ООН и в 1999 г., когда НАТО обратилась за поддержкой к Совету Безопасности ООН, но на нее наложили вето Россия и Китай. Это была единственная неподдержанная интервенция в истории НАТО, и, хотя она явно остановила войну в Югославии, до сих пор вызывает споры.

Несколько человек были осуждены Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в 2017 году за преступления во время югославских войн, в том числе Радован Караджич, Ратко Младич, Милан Лукич и Слободан Праляк. Бывшему президенту Югославии Слободану Милошевичу в 2002 году было предъявлено обвинение по 66 пунктам в преступлениях против человечности, военных преступлениях и геноциде, предположительно совершенных во время войн в Косово, Боснии и Хорватии. Суд над ним остался незавершенным, поскольку он умер в 2006 году до вынесения приговора. Тем не менее судебный процесс МТБЮ «помог делегитимировать лидерство Милошевича» и узаконить вмешательство НАТО. Югославия сегодня уже не существует как единое государство, но образовались независимые государства, в которых виден социальный и экономический прогресс, а присоединение к Европейскому союзу либо уже произошло у одних, либо находится на четком политическом пути у других теперь уже суверенных наций.

События 1990-х годов в России, безусловно, были временем, когда России нужно было сориентироваться. Перед Ельциным стояла огромная задача по реформированию и модернизации России, пережившей конституционный кризис, низкие темпы экономического роста, войну в Чечне и коррупцию. Прекрасно понимаю, почему россияне с большим сожалением вспоминают это время. Я рассматриваю это как упущенный шанс, который привел нас к тому, что мы имеем сегодня.

Ельцин ушел в отставку 31 декабря 1999 года, извинился перед русским народом и поставил Путина. Не только Ельцин возлагал большие надежды на Путина, но и западный мир воспринял этого нового лидера, который, как считалось, был способен провести необходимые реформы, вернуть достоинство российскому населению, а также интегрироваться в мировые глобальные геополитические структуры как равноправный и надежный партнер. Путина любили в Европе, и время, которое он провел в бывшей Германской Демократической Республике в молодые годы, где он выучил немецкий язык, было воспринято положительно. Он поймет, и мы пойдем друг друга.

Путин восстановил Россию, восстановив иерархию власти, восстановив роль правительства как института, выражающего совокупные интересы граждан и контролирующего финансовые, административные и медийные ресурсы государства. На протяжении многих лет Путину удавалось ограничивать свободу мнений и свободу печати и устранять противников и оппозиционные группы одну за другой. Тем самым создавая среди своих граждан образ величия, которым также восхищались многие лидеры западного мира, но не столько те, кто отстаивает либеральные ценности. Путинское видение России становилось другим. Это, однако, не было признано в Европе, по крайней мере пока. Первыми испугались бывшие республики-сателлиты, получившие независимость и полный суверенитет в начале 1990-х годов. Единственным щитом, который они видели, было вступление в НАТО, чтобы сохранить свой суверенитет.

Очевидно, что путинское видение восстановления территориального величия прошлого Советского Союза оказалось под угрозой, когда бывшие «братские государ-

ства» захотели сохранить свою независимость. Страны Балтии обратились с просьбой о вступлении в НАТО в 2002 г. и были приняты в 2004 г. Грузия и Украина надеялись на вступление в 2008 г., но их заявка была отложена для дальнейшего рассмотрения. Несколько месяцев спустя, в августе 2008 года, Россия вторглась в Грузию и до сих пор контролирует часть территории.

Запад критически отнесся к этому вторжению и критикует его по сей день. Это был момент старта политики умиротворения в отношениях с Путиным. Идея была проста: избегать конфликтов и «изменяться через торговлю», углубление экономических отношений, что будет способствовать прогрессивным реформам. Однако сейчас, оглядываясь назад, понятно, что «изменение через торговлю» не получилось, но позволило Путину инвестировать в свой военный аппарат и окружить себя «боярами», то есть своими олигархами. Это дало ему возможность жестко контролировать все основные отрасли промышленности. Таким образом, власть была абсолютной, и Россия отчуждалась от современного и демократического общества.

Тем не менее у Европы была надежда, что однажды «изменения через торговлю» осуществятся и что население России сможет жить в условиях свободной и открытой демократии. Однако с абсолютной властью в руках одного человека «изменение через торговлю» не сработало. Наоборот, установился полный контроль над СМИ с полноценным механизмом создания нового нарратива для России и россиян. Основные тезисы просты:

- 1) «Россия и русские выше остального мира» — кому не нравится это слышать?
- 2) «Существует большая империалистическая угроза, которая полностью контролируется Соединенными Штатами Америки с целью уничтожить Россию» — страх всегда объединяет людей.
- 3) Представление о том, что «Европа слаба и находится в состоянии упадка, поэтому ее нужно спасать» — опять-таки хорошее самочувствие спасителя мира.

Со стороны это кажется странным и необоснованным, но это ровно то, что запечатлелось в сознании людей. Хотя международные СМИ, освещающие другую точку зрения, доступны, у многих она не находит отклика. Причина проста — никто не любит слушать то, что не нравится. Те, кто следит за другими медиаканалами и осознает, что существуют другие нарративы и разные мировоззрения, не будут услышаны (а теперь, когда действует новый суровый подавляющий закон, они больше и не захотят говорить). Вот что происходит. Людей оптимизируют или наказывают, и часто сурово.

Западные лидеры и все крупные медиаканалы никогда не обвиняют русских, но ставят Путина и его подавляющую машину в центр всех продолжающихся дискуссий.

После восстания на Майдане в 2013 году, когда от полумиллиона до одного миллиона украинцев протестовали против своего правительства, в феврале 2014 года президент Украины Янукович ушел в отставку и была создана новая демократическая система.

Опять же, люди вольны выбирать своих лидеров. Однако после восстания на Майдане Путин решил отобрать Крым у Украины в 2014 году. Не веря в то, что о такой аннексии можно даже помыслить, а также избегая прямого военного конфликта, политика умиротворения снова стала ответом Запада Путину. Беззубые санкции были един-

ственными принятыми мерами — снова в надежде, что «изменение через торговлю» однажды позволит произойти изменениям.

То, что последовало за этим в Донбассе и что постоянно ухудшало ситуацию, было гибридной войной. Пророссийские группировки были усилены и вооружены с целью дестабилизировать регион Донбасса, вернуть России контроль над ним, а с ним и над Азовским морем.

Этот план не сработал, как планировалось, и привел к тому, что за последние восемь лет день за днем ситуация в Донбассе обострялась, пророссийские группировки усиливались оружием и наемниками. Украинцы защищались все активнее.

Соглашения о прекращении боевых действий были подписаны в Беларуси в рамках договоров «Минск-1» и «Минск-2», но оба были нереалистичными. Наемники не освободили территорию, и бои продолжались, что дало Путину повод обвинить Украину в невыполнении договоренностей, но иначе это означало бы капитуляцию Украины — термин, не существующий в украинской лексике, как мы видим сегодня.

Дискурсивные практики русских становились все причудливее с каждым днем, например, появились утверждения, что украинским нацистским режимом совершается геноцид. Конечно, жестокость на Донбассе была результатом привлечения наемников, ситуация была нестабильной.

Но начавшаяся 24 февраля 2022 года спецоперация стала вопиюще неверным ответом на этот конфликт, основанный на раздутом нарративе. Нарратив, который также несостоятелен, как показали бы независимые расследования.

Реакция на эту спецоперацию, продолжающуюся уже более шести недель, только ухудшила отношения России с Украиной, Европой и миром. Опыт, который украинцы приобретут в результате этой спецоперации, приведет к постоянному разрыву всех возможных будущих отношений с Россией для следующих двух поколений. Реакция западного мира на эту военную операцию сильная, но не милитаристская. Никто не хочет вступать в войну с Россией, так как опасность мировой катастрофы более чем реальна. Были введены беспрецедентные экономические санкции, чтобы убедить Путина в том, что он не может позволить себе продолжение спецоперации и что цена за его видение расширения территории России слишком высока. Эти санкции нужны, но, к сожалению, бьют и по российскому народу. У Запада действительно есть огромная проблема с Путиным и его ближайшим окружением, которые дестабилизируют Европу невиданным за многие-многие десятилетия способом.

Запад ненавидит русских? Однозначно нет, и никогда этого не было! Запад хочет иметь хороших партнеров для торговли, культурного и научного обмена, где люди могут свободно выражать идеи, формировать мнения и участвовать в дискуссиях, где люди могут путешествовать и видеть все своими глазами. Запад поддерживает открытые и стабильные демократии.

Но когда свободное выражение мнений подавляется, дебаты невозможны, и «мнение» формируется ведущим авторитетом, иногда доходит до крайности — как с использованием термина «специальная военная операция», поскольку использование другого термина рискованно и наказывается лишением свободы на срок до 15 лет.

Демократические ценности в таких условиях невозможны, и это прекрасно понимают и видят за пределами России.

Только совместными усилиями можно решить гораздо более насущные мировые проблемы. Эти проблемы носят невоенный характер и четко определены и записаны в Целях устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Имеют первостепенное значение чистая энергия и сдерживание выбросов CO₂ для стабилизации климатического кризиса, прекращения глобального потепления, но не борьба за территориальные границы суверенных стран.

9 апреля 2022 г.

Перевод с англ. А. Алмакаевой

АННА КИРЗЮК

кандидат философских наук, научный сотрудник
Лаборатории теоретической фольклористики,
РАНХиГС при Президенте РФ

НЕ АГРЕССОРЫ, А ЖЕРТВЫ: «РУСОФОБИЯ» КАК ОПРАВДАНИЕ И ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ МОТИВ

В последнее время стало распространенным видение, что Россия является жертвой агрессии со стороны недружественных стран. Попробуем разобраться, как «настроена» эта оптика?

Акцент на былых унижениях, на недостаточном признании и враждебности со стороны Запада отмечают и российские эксперты, и некоторые американские политологи. Кари Робертс, пытаясь посмотреть на вмешательство России в конфликт на Юго-Востоке Украины в 2014—2015 годах глазами Владимира Путина, отмечает, что важную роль в дискурсивных практиках российского президента играет ощущение угрозы, исходящей от НАТО и коллективного Запада.

В начале марта 2022 года «защита России от военной угрозы со стороны Запада» была объявлена Сергеем Шойгу одной из целей «специальной военной операции» на Украине. Риторика превентивного удара («нам не оставили выбора», «мы не могли поступить иначе») широко представлена в высказываниях официальных лиц и в официальных медийных сообщениях¹.

Угроза, исходящая от коллективного Запада, начиная со второй половины 2000-х годов, часто описывалась в терминах «руссофобии». Изначально тема «руссофобии» волновала главным образом маргинальных авторов, увлеченных идеями русского национализма, но в 2014 году вошла в российский медийный мейнстрим — в частности, стала постоянно звучать на канале Russia Today.

До недавних пор под «руссофобией» понималось враждебное, предвзятое отношение к России как к политическому субъекту и/или отказ признавать ее исторические заслуги. Так, «руссофобией» объяснялся снос памятников советскому солдату в странах Балтики и в Украине; разговоры об ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны; критика действий России во время грузино-абхазского конфликта; санкции,

¹ Так, 26 февраля в Петербурге на пр. Савушкина появился билборд с фотографией Владимира Путина и надписью «Нам не оставили шансов поступить иначе. В. Путин».

наложенные на российскую элиту в 2014—2015 годах и допинговые скандалы в ходе олимпиад.

Однако после начала «спецоперации» содержание этого понятия расширилось. Под «руссофобией» стали понимать не только враждебное отношение к России как к политическому субъекту, но и ненависть к русским, носителям русского языка и русской культуры. О «руссофобии» в этом новом смысле стали говорить журналисты российских СМИ, авторы телеграм-каналов, высокопоставленные российские чиновники и рядовые интернет-пользователи. Публицист Модест Колеров пишет, что «русских травят за то, что они русские, а вовсе не потому, что кому-то не нравится политика России». Более того, он сравнивает «взрыв руссофобии» с «массовым антисемитизмом в Европе, который предшествовал Холокосту». Сравнения сегодняшнего отношения к русским на Западе с антисемитизмом в нацистской Германии звучат и на официальном уровне. Сергей Лавров в интервью каналу «Россия-24» заявил, что «так же как Гитлер мобилизовывал свое общество и другие европейские страны против евреев. <...> Сейчас русские — это команда „фас“»². Подобные сравнения помогают отвести обвинения в агрессии.

На уровне индивидуальной психологии страх (вне зависимости от того, насколько он объективно оправдан) вызывает агрессию. На уровне коллективно разделяемых дискурсов страх не только подталкивает к агрессии, но и оправдывает ее. Также на уровне дискурса присвоение статуса жертвы помогает справиться с обвинениями в агрессии. Образуется порочный круг, в котором сначала страх ведет к агрессии, затем оправдывает агрессию, затем в ответ на обвинения в агрессии возникает потребность утвердить себя в статусе жертвы, что продуцирует новый страх и в перспективе вызывает и оправдывает новую агрессию.

Сейчас рассуждения о «руссофобии» (а также реальные и воображаемые явления, которые определяются как «отмена русской культуры») занимают заметное место в высказываниях блогеров, чиновников, журналистов и зрителей федеральных каналов, публично поддерживающих «спецоперацию» на Украине. С одной стороны, многочисленные рассказы о проявлениях этой «руссофобии» тревожат — особенно если за границей живут друзья и родственники. Им звонят с вопросами: «А тебя не депортируют? Не уволят? Ты по-русски на улице не боишься говорить?» С другой стороны, эти рассказы помогают оправдать необходимость военных действий. Поэтому, когда президент, а вслед за ним и государственные медиа сообщают, что на Западе «из афиш вымарывают Чайковского, Шостаковича, Рахманинова, запрещают русских писателей и книги»³, аудитория им верит. С таким же доверием встречаются сообщения, что русских студентов отчисляют из западных университетов, что русские, живущие в Европе, боятся говорить по-русски в публичных местах, а их детей травят в школах. У этой веры есть серьезный психологический мотив — оправдать военные действия, вызывающие тревогу.

Власти стараются представить антироссийские санкции, бойкоты российских товаров, разрывы культурных и деловых связей не как реакцию на военные действия, а как

² МИД РФ рекомендовал российским дипломатам за рубежом не выходить в город поодиночке // Интерфакс. 11.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834300>.

³ Путин заявил о расцвете на Западе «культуры отмены» // Газета.ру. 25.03.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/25/17476453.shtml>.

проявление некоей извечной, имманентно присущей западным странам «руссофобии». Сергей Лавров выразил эту мысль, рассуждая о том, что руссофобия не портит образ Евросоюза, «а дополнительно делает таким, какой он есть»⁴. Ему вторят многочисленные журналисты: «Их неприязнь к нам, которая долгое время прикрывалась маской толерантности, стала очевидной. Откуда такая резкая вспышка руссофобии? Она была всегда, она не могла взяться на пустом месте»⁵. Распространение такого рода суждений оказывается успешным, в интервью мои собеседники высказывались в том духе, что «санкции эти они давно сулили, ну и выполнили»⁶. Причина веры в извечную руссофобию европейцев — та же самая: она помогает считать себя жертвой.

После начала «спецоперации» я взяла несколько интервью, в них респонденты вспоминали не только официальные нарративы про «красную линию», которую нарушило НАТО, но и реальные и воображаемые эпизоды, указывающие на всеобщую ненависть к России и русским. Вспоминались допинговые скандалы, причем отмечалось, что к нашим спортсменами «придираются просто потому, что они русские». Вспоминались антироссийские высказывания Зеленского и рядовых украинцев, которые еще за несколько лет до февраля 2022 года якобы приходили в разные сетевые сообщества и обещали «перерезать всех москалей». Много говорилось о жертвах среди мирного населения ДНР и ЛНР. Все респонденты вспоминали хотя бы один эпизод из жизни, когда лично они (или их знакомые) сталкивались с неприязненным и враждебным отношением украинцев. Ключевой месседж таких личных историй — «они [украинцы] давно нас не любят»⁷.

Затем появились новые аргументы в пользу утверждения «мы не агрессоры, а жертвы». Это и реальные случаи жестокого обращения с пленными российскими солдатами, бойкоты российских товаров, отказ продавать товары российским покупателям, санкции, блокировки банковских счетов российских граждан и воображаемые случаи «травли» русских. Параллельно предпринимаются дискурсивные попытки лишить украинцев статуса жертв. Например, распространяются многочисленные нарративы о «наглых» украинских беженцах, которые якобы ведут себя неблагодарно и даже агрессивно по отношению к принимающим их европейцам.

Любое явление, воспринимаемое как реальность, реально по своим последствиям, — гласит теорема Томаса. То, что многие годы с экранов телевизоров называлось словом «руссофобия», отчасти стало реальностью, сегодня эксперты не без оснований пишут о «моральной панике» перед Россией.

⁴ МИД РФ рекомендовал российским дипломатам за рубежом не выходить в город поодиночке // Интерфакс. 11.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834300>.

⁵ Опрос ВЦИОМ свидетельствует о консолидации общества. Мнение // REGNUM. 01.04.2022. URL: <https://regnum.ru/news/society/3552524.html>.

⁶ О. К., ж., 1958 г. р., Екатеринбург.

⁷ Характерно, что люди, выступающие против «спецоперации», таких историй не рассказывали. На прямой вопрос о том, слышали ли они о неприязненных высказываниях украинцев по отношению к русским, отвечали, что слышали, но при этом не пересказывали эти истории. Представляется, именно потому, что перед ними не стояла задача оправдать военные действия РФ.

ОКСАНА МОРОЗ

приглашенный редактор номера,
культуролог

...ЕСЛИ НАДО ОБЪЯСНЯТЬ, ТО НАДО ОБЪЯСНЯТЬ

В 2015 году валлийский публицист Джон Ронсон выпустил книгу «[So You've Been Publicly Shamed](#)», в которой описывал амбивалентные эффекты пользования социальными сетями. Он утверждал: на первых этапах массового распространения этих сервисов они работали как пространство обретения голоса теми, у кого раньше было очень мало возможностей пробиться в публичное поле и быть услышанными. Теми, кто не располагал такой позицией в социальной иерархии, чтобы принимать решения. Довольно быстро стало понятно, что, объединяясь, рядовые пользователи могут быть грозной силой. Окликавая тех, кто некорректно, на наш взгляд, использовал свои привилегии, мы можем как минимум ставить под вопрос казавшиеся безукоризненными репутации, добиваться публичных отставок, извинений. Публичный шейминг может даже выглядеть удачной альтернативой плебисцита или, по крайней мере, механикой озвучивания сомнений относительно действующих иерархий, которые местами несправедливы. Например, иерархий, построенных на дискриминационных установках: сексистских, этнофобных и т. д. И действительно: механизмы публичного указания на недостойное поведение часто помогали борьбе за справедливое отношение к систематически угнетаемым (вспомним акцию [#ЯНеБоюсьСказать](#)). И если не делали этот мир лучше, то неплохо указывали на его каверны.

Вместе с тем, как [замечал](#) в том же 2015 году Ронсон, довольно часто коллективное устыжение оказывалось обращено не на представителей истеблишмента, но на тех, до кого проще дотянуться. Например, на людей, любящих публиковать неудачные (а порой дискриминационные) шутки. В таком случае оно становилось своего рода сведением счетов. Люди, не защищенные публичным статусом или иными ресурсами, обычно не могли соразмерно ответить на сыпящиеся оскорбления и издевательства, так что обижать их было удобно. Ругань как средство справедливого воздаяния за морально непотребное поведение нередко превращалась в коллективное же глумление и расчеловечивание. И этому у публициста есть простое объяснение: гораздо проще плохо обращаться с тем, в ком ты не видишь даже потенциально равного, чем с тем, в ком признаешь субъекта, обладающего достоинством.

Добавим сюда еще пару наблюдений. Увидеть стопроцентную разницу между «отменной» кого-то, заслуживающего ее по веским моральным причинам, и другого, просто оказывающегося удобной мишенью для отыгрывания показной добродетельности, может только человек, уверенный в наличии априорной морали. Между тем многоголосица моральных учений не позволяет настолько систематизировать этику.

Что, впрочем, не мешает носителю конкретных нравственных позиций настаивать, и довольно агрессивно, на правоте своей оптики. В мире, в котором право сильного считается отличной точкой входа в любые взаимодействия, такая настойчивость — норма. Либо ты, либо тебя. Никакого релятивизма! Кооперации, инклюзия, умение договариваться путем диалога, настраивать для принятия решения консенсусные и диссенсусные модели взаимодействий — это для тех, кто верит в солидарность. Но даже если допустить, что она работает, выживание в мире, уповающим на силу, возможно только со «своими». Потому что любой «чужак» — это угроза. Этому стремлению отделять зерна от плевел, часто построенному на желании воспроизводить «правильные» ценности, очень помогает публичность соцсетей. В них можно легко и быстро высказывать позиции, расставлять все реперные точки, а также, методом бана и жалоб, зачищать круг общения.

На фоне происходящих чрезвычайных трагических событий эта привычка расходиться по ин- и аут-группам, привычка к бинарной категоризации, помноженная на эффекты коммуникационных сервисов, приводит ко все большему размежеванию. Принципиальную точку разлома обнаруживают в «не тех» интонациях, выборе иного, кроме алармистского и/или триумфального постинга, словаре, избегающем однозначности, рассказах об обыденных занятиях, прежних увлечениях. И вот уже одни люди, описывая повседневные дела, которые позволяют хотя бы чуть-чуть дышать, извиняются за «аморальное счастье». А другие не мыслят своей жизни без перманентного думскроллинга и не понимают — а чем и как вообще дышат остальные?

Честно говоря, эта ситуация кажется мне опаснее, чем «отмена культуры», реализуемая на институциональном уровне, о которой высказывались эксперты в номере. И куда опаснее, чем новости, которые сыпались все то время, что этот номер готовился. Вот лишь некоторые из них, кстати:

...Крупнейшие научные издательства (Elsevier, Springer/Nature, IOP Publishers и др.) официально [объявили](#), что закрывают российским научным организациям доступ к своим журналам, такое же ограничение вводят реферативные базы Web of Science и Scopus...

...Руководство Института Адама Мицкевича [приняло решение](#) приостановить на неопределенный срок сотрудничество с русской редакцией портала Culture.pl...

...Владелец популярных шрифтов Times New Roman и Arial [закрыв доступ](#) в библиотеку с российских IP-адресов...

...Российский офис Condé Nast [свернет](#) большую часть операционной деятельности...

...Американский онлайн-кинотеатр Netflix [прекращает](#) работу в России...

Привычка к легкому гражданскому и просто человеческому размежеванию пугает меня больше этих заголовков и лидов статей не потому, что перечисленные в них факты «отмены» — как будто только про лишение, вследствие санкций и бойкота, небольшим количеством граждан доступа к прежнему уровню комфорта. Подумаешь! Я-то как раз полагаю, что отсутствие доступа к благам, которые раньше доставлялись со словами «watch anytime & anywhere» (слоган Netflix), может быть очень болезненным сигналом: все равны, но некоторые равнее. Сигналом о выброшенности из числа тех, кто опосредованно, в форме потребления или соучастного производства определенных культурных и медийных продуктов, достоин доступа к гуманистическим ценностям.

Описанное выше размежевание — это страшный канселинг, потому что оно предполагает распад горизонтальных связей. Нет больше отношений Я — Ты, о которых писал Мартин Бубер, есть только Я — Оно. Нет больше снисхождения к ближнему, желания объясниться и выслушать, понять, даже не принимая. Есть только систематическая объективация. Причем часто принимающая форму аутоагрессии — самобичевания, уже ставших мемом литаний «мы как нация провалились» и т. д. Такая отмена инвалидирует всё и всех, запрещает быть.

А раз так, то она уничтожает возможность партизанского или вполне открытого воспроизводства тех самых гуманистических принципов. Она оставляет после себя выжженную землю. «Русское поле экспериментов» в фазе самоуничтожения.

В этой ситуации коллапсирования публичной сферы у меня есть только одна надежда. Что вместо интеллектуалов и людей культуры, до сих пор уверенных в императиве «если надо объяснять, то не надо объяснять», придут другие. Совершенно негероические люди, настроенные на игру вдолгую и готовые вступить в диалог, не обесценивающий других. Возможно, их попытки будут обречены. Но тогда им хотя бы удастся доказать, что гуманистические ценности вообще — не больше, чем системное когнитивное искажение. А мир движем войной всех против всех. Тоже интересное, полезное и своего рода эпохальное открытие.

Главное только, чтобы на него обратили внимание за этим шумом нарциссичных онлайн-дискуссий, с помощью которых люди так легко интериоризируют, рационализируют и в конечном итоге забалтывают даже то, что не может вместить наш опыт. То, что достойно — хотя бы короткого — горющего молчания.

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «РОССИЙСКИЙ СИНДРОМ ОТМЕНЫ»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Наталья Седова
проектный редактор
и редактор по работе с авторами

Александр Вилейкис
продюсер

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Антон Соляев
верстка

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[@WCIOMofficial](https://t.me/WCIOMofficial)

[@wciom](https://twitter.com/wciom)

[@wciompage](https://vk.com/wciompage)

[@wciom](https://www.youtube.com/wciom)

[Я.Дзен ВЦИОМ](https://yandex.ru/wciom)

[Подкасты ВЦИОМ](#)